

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Альберт БАЙКАЛОВ

ИНОГО
РЕШЕНИЯ НЕТ

Альберт Байкалов

Иного решения нет

«ЭКСМО»

2006

Байкалов А. Ю.

Иного решения нет / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», 2006

В отряде специального назначения ГРУ Антона Филиппова есть одна непреложная истина: никакая политическая цель не стоит жизни бойца. И еще там убеждены в том, что все проходит и меняется, все можно переосмыслить, и только верность боевому братству остается незыблемой. Это кредо помогает парням выстоять в жестокой схватке с терроризмом. Даже когда горстка негодяев угрожает стране эпидемической катастрофой. Даже когда строй бойцов поредел в боях с исламскими экстремистами. Даже когда для победы требуются невообразимая храбрость и отчаянная дерзость. Потому что они — спецназ ГРУ...

© Байкалов А. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Альберт Байкалов

Иного решения нет

Глава 1

Сначала не было ничего. Затем в этой пустоте без звуков, цветов, света и гравитации появилась боль. Едва заметная, она постепенно заполнила оболочку тела, запульсировала в голове. Какое-то время Антон с удивлением прислушивался к возникшим ощущениям. Все казалось новым и пугающим. Но это длилось недолго. По крайней мере так показалось. Еще немного, и плавающие в глубине сознания странные, меняющие форму пятна стали приобретать определенные очертания, складываясь и сливаясь друг с другом. Перед глазами возникла грузопассажирская кабина вертолета. У открытых дверей, за пулеметом, установленным на турели, – боец комендантского взвода... Сам Антон сидит на жесткой десантной скамейке вдоль правого борта. Напротив выкрашенный в желтый цвет топливный бак. Потом словно кто-то включил в салоне огромное и холодное солнце, в свете которого вместе с шумом и тряской все это растворилось...

Антон Филиппов открыл глаза, и одновременно в его внутренний мир, едва по кусочкам собравшийся и оттого еще хрупкий и болезненный, ворвались звуки леса, запах прелой листвы и гари. Оказалось, он лежал на животе, повернув голову вправо. Осторожно подтянув под себя руки, со стоном приподнялся. Земля качнулась, словно палуба гигантского корабля. Сквозь голые ветки мокрого от дождя кустарника разглядел часть вертолета с нарисованным российским флагом на борту и клубы дыма. С трудом усевшись, огляделся. Вокруг валялись куски искореженной обшивки с остатками зеленой краски, тряпки, детали каких-то механизмов.

Вздох и смена положения вызвали боль в ребрах, от которой перехватило дыхание. Ощупал затылок и лицо. Крови нет. Руки вроде целые. Ноги тоже.

– Значит, сбили, – проговорил он одними губами и только тут вспомнил, что летел вместе с Завьяловым.

Встав на четвереньки, медленно, морщась от боли, выпрямился и осмотрелся. Вертолет упал среди лесных холмов, едва перелетев хребет и срубив по пути несколько верхушек деревьев. Передняя часть фюзеляжа на одну треть превратилась в мусор, похожий на огромный ворох бумаг. Из боковых дверей вырывались всполохи огня. Створки ramпы были сорваны и гигантскими лепестками торчали в разные стороны. Покореженные лопасти винтов едва заметно покачивал ветер.

Из нагрудного кармана разгрузки он вынул «АПС» и осторожно направился в сторону останков винтокрылой машины, еще совсем недавно с легкостью и каким-то озорством игравшей с небом. Черный и едкий дым заполнил всю низину. Глаза слезились.

– Злак! – осторожно позвал он, разглядывая груды искореженного металла.

Судя по всему, Антона выбросило над самой землей, либо он прыгнул, когда вертолет завис. Возможно, он еще умудрился отбежать в сторону. Так или иначе, вспоминать – дело безнадежное. О землю он торкнулся не слабо, и хорошо, что еще остался жив.

Антон нерешительно подошел ближе. Уже чувствовалось тепло от разгоравшегося пожара. Неожиданно внутри глухо ухнуло. Фюзеляж увеличился в размерах и лопнул, выплеснув вверх пламя. Отшатнувшись, Антон зацепился каблук за какой-то пенек и упал на спину, больно ударившись о землю. Из глаз брызнули искры, а в затылке отдало нестерпимой болью.

Вновь перевернувшись на живот, встал на четвереньки. Оттолкнувшись руками от земли, навалился спиной на ствол дерева. Послышался рокот второго «борта». Вертолет огневой поддержки после обстрела с земли набрал высоту и сейчас кружил над местом падения. Антон

задрал голову вверх. Сквозь разрывы облаков синело небо. Вертушки видно не было. Только звук. Лишь вынырнула из свинцовой ваты яркая звездочка тепловой ловушки, погасшая на полпути к земле, и все. Интересно, сколько он лежал без сознания? А вдруг вторая машина уже успела сесть, собрать раненых и взлететь? А его не нашли. Нет, не может быть...

Сзади раздался шорох. Кто-то, сильно сопя, продирался сквозь заросли кустарника. Чувствовалось, что спешили. Антон развернулся и сразу увидел двух боевиков. Их отделяло от него не больше трех десятков метров. Настороженный взгляд, черные, косматые бороды. На голове первого зеленая косынка с арабской вязью. На втором армейская кепка. Они тоже заметили Филиппова и, направив на него стволы «АК», присели, потерявшись из виду.

Антон не решился стрелять. Практически бесполезно. Зато они с автоматов могли бы уже достать. Почему-то медлят.

Он повалился на бок, и быстро, не сводя взгляда с того места, где только что видел «духов», переполз в сторону. Добравшись до ствола следующего дерева, укрылся за ним и прислушался. Хрустнула ветка. Послышалась брошенная вполголоса фраза.

Антон догадался, бандиты не знают, сколько уцелело людей, и опасаются, что после падения пассажиры успели занять оборону. Он достал РГО. Медленно, прислушиваясь к каждому звуку, отогнул усики и вынул кольцо.

– Эй, русский! – раздался совсем близко осторожный окрик. – Брось оружие и подними руки. Мы тебя не убьем.

Антон поднял руку. Только одну, с гранатой. Бросок и почти одновременный разрыв от касания вновь напомнили о сильном сотрясении мозга. В глазах потемнело. Однако времени на то, чтобы прислушиваться к организму, не было. Вскочив, он перебежал вправо, нырнув в небольшую вымоину в земле. По тому месту, откуда он метнул гранату, никто, вопреки ожиданию, не выстрелил. Срубленные осколками ветки зашуршали, падая на землю вместе со сбитыми каплями воды. Сгусток черного дыма медленно поплыл в сторону.

«Значит, боевиков всего двое», – подумал он и услышал стон.

Немного поколебавшись, направился на звук. Чеченцев он нашел ближе того места, где увидел в первый раз. Тот, что был в косынке, не мучился. Над правой бровью пузырилась кровавая рана. В руке был зажат «Полароид». Второй лежал на боку, в паре метрах позади него, подтянув к животу ноги. Рядом валялся автомат с пробитым осколком магазином. Антон поддел его носком ботинка:

– Кто такой?

– Зачем спрашиваешь? – процедил сквозь зубы бандит, напрягаясь от боли. – Разве не видишь?

– Не вижу. – Антон бросил по сторонам настороженный взгляд и присел на корточки: – Вас только двое было?

– Там, – чеченец закатил глаза, пытаясь взглядом показать направление, – Ваит. Это он стрелял...

Раненый неожиданно мелко затрясся и засипел. Лоб покрылся испариной, а изо рта потекла пена.

– Понятно. – Антон осторожно направился в том направлении, откуда вышли боевики.

Вскоре кустарник закончился. Пройдя через лес по пологому склону, он разглядел внизу стоящий на раскисшей от дождей дороге «уазик». Возле него метался какой-то парень. С опаской озираясь по сторонам, он то и дело бросал взгляд на часы. Антон догадался, этот человек поджидает убитых у вертолета боевиков. По всей видимости, они обстреляли «борт» не здесь, а где-то перед перевалом. Затем проехали, чтобы убедиться, что он разбился, а не сел. Заодно засвидетельствовать результаты работы при помощи фотоаппарата.

Молодой чеченец заметно нервничал. Еще бы, в любой момент может появиться поисковая группа. Отчаянный шаг – сунуться к месту падения, да еще на хорошо заметной в это время года с воздуха машине.

Антон вышел в том месте, откуда бандит поджидал своих дружков. Немного подумав, он вернулся назад, в заросли орешника, и начал обходить машину вокруг, в надежде подобраться к ней с другой стороны. Вскоре перебежал дорогу, на которой стоял «уазик», и направился вдоль обочины в его сторону. Тем временем боевик что-то крикнул на чеченском и вернулся в машину. Дверь осталась открыта. Положив руки на руль, он забарабанил по нему пальцами, не сводя со склона взгляда. Антон хорошо видел выражение его лица. Ему даже казалось, что он чувствует запах этого гада. Вот такой грязный, с гнилыми зубами и давно не мытой головой, необразованный дебил нажал на крючок пускового механизма «Стрелы», и полетят сейчас в Россию похоронки. Сколько горя одна обезьяна устроила огромному числу людей. Дети остались без отцов, жены без мужей, родители без сыновей со всеми вытекающими последствиями. А это животное получит сегодня немного фальшивых долларов и будет хвастаться своими подвигами перед дружками, ковыряясь грязным мизинцем в ухе.

Пригибаясь, Антон приблизился к машине на расстояние, с которого мог всадить пулю из «АПС» в спичечный коробок, не целясь.

Антон бросил взгляд на колено, которое ему было хорошо видно через открытую дверь, и нажал на спуск. Охнув, парень сначала удивленно посмотрел на увеличивающееся в размерах пятно, казавшееся на материи камуфлированных брюк черным, затем, догадавшись, что в него выстрелили, вдруг выскочил из машины и тут же упал, оставив на переднем сиденье автомат.

– У-у! – взвыл он нечеловеческим голосом.

Антон подскочил к нему и, схватив за чуб, бросил на землю.

– Ты стрелял по вертолету?

– Э-э, шайтан! Почему как трус подкрался?!

– Чего? – протянул Антон, придя от такой наглости в ярость, и со всей силы залепил ему ногой по ребрам. – Это кто полчаса назад из леса ракетой по вертушке долбанул?

– Не я! – просипел парень, покрываясь испариной. – Клянусь...

– Твои дружки сказали, что ты это сделал, – Антон выстрелил во второе колено. – Кто отправил тебя и где взял ПЗРК?

– Алихан приказал, – простонал чеченец. – Сказал, денег даст.

– Что за Алихан? – нахмурился Антон. – Как найти?

– В Джугурты живет, – едва слышно проговорил боевик, быстро бледнея. – Фамилия Гайсулов.

– Откуда про вертолет узнали?

– Он человека имеет в Грозном...

– Что за человек? Кто такой? Военный?

– На аэродроме работает... – Парень скривился от боли.

– Нет, погоди мне рожи корчить. – Антон поддел его носком ботинка уже в челюсть. – Еще не все сказал!

Неожиданно едва уловимый звук шагов заставил его присесть и обернуться. В тот же момент оказавшийся за спиной боевик схватил Антона за воротник куртки и дернул на себя. Не сводя взгляда с того направления, откуда послышался шорох, Антон двинул локтем раненому по лицу. Одновременно из-за деревьев показался крепко сложенный военный в камуфлированной форме, с повязанной на голове косынкой защитного цвета и зеленым «гримом» на лице. Направив на машину ствол автомата, он поднял над головой руку и сделал идущим следом знак: «Внимание, впереди двое с оружием»...

– Мы шум вертушки слышали, потом хлопок, – перешнуровывая ботинок, рассказывал старший лейтенант о том, как оказался в районе падения вертолета. – Тут мой шеф команду дает – сменить маршрут. Пройди, говорит, левее – по Тигровой балке. Вроде как связь с «бортом» пропала. Вы зачем здесь летали?

– В Меседое дед один живет. – Антон выдержал паузу, словно взвешивая в уме, говорить или нет случайно попавшемуся на пути разведчику о цели своего сегодняшнего полета, и вздохнул: – В общем, пообщаться.

– Не хило полетали, – старлей усмехнулся и, цокнув языком, поднялся с земли. Отряхнулся, затем окинул окрестности взглядом: – Нет никого.

Они вернулись к останкам вертолета, и сейчас разведчики дивизии осматривали район падения в надежде найти выживших летчиков или пассажиров. Однако все попытки оказались тщетными. Живым остался только Антон, который так и не мог понять, каким образом ему удалось уцелеть.

Послышался гул еще одной вертушки. Двое разведчиков бросились к поляне, которую выбрали для встречи. Зашипели и поползли по земле клубы оранжевого дыма, обозначая ее границы.

Вместе со следственной бригадой прилетел и Родимов. Федор Павлович возглавлял отдел планирования и проведения специальных операций и являлся непосредственным начальником Филиппова и его группы. Это был невысокого роста шуплый генерал с острым носом и абсолютно седыми волосами. Своими манерами поведения и характером Федор Павлович напоминал полководца Суворова. На ходу оглядев результаты попадания «Стрелы», он подошел к Антону.

– Завьялов? – В серых, водянистых глазах вопрос и горечь.

– Да, – Антон кивнул.

– Как все произошло?

– Не помню, – откровенно признался Антон.

– Ясно. – Родимов задумался, глядя, как несколько солдат в брезентовых куртках пытаются остудить остов огнетушителями, чтобы пройти внутрь.

– Что старик? – генерал сменил тему так неожиданно, что погруженный в свои мысли Антон не сразу понял, о чем речь.

– Какой? – оживился он, избавляясь от посторонних мыслей. – Извините, задумался. В общем, ничего конкретного узнать не удалось.

С утра Антон Филиппов и Игорь Завьялов летали в один из горных аулов, чтобы побеседовать с Азатом Тамаевым. Антон вошел в сложенный из камня и саманного кирпича дом один. Почти столетний старик долго глядел на рослого светловолосого офицера с серыми глазами и волевым подбородком, потом, брезгливо плюнув под ноги, ошарашил:

– Русский убил мой брат. Все вы есть мои кровники. Уходи.

Все, что требовалось от старика, это просмотреть пару десятков снимков и определить, есть ли на них его внук Саламбек. Эти фотографии были получены по линии четвертого управления, занимавшегося Африкой и Ближним Востоком. Запечатленные на них в толпе палестинских боевиков трое людей вызвали у израильских разведчиков озабоченность. Они утверждали, что это чеченцы, и даже установили их имена. На фоне заявления Басаева об отправке на Ближний Восток своих отрядов ГРУ отнеслось к опасениям коллег из «Моссада» серьезно, и уже через день в Чечне работала группа под руководством подполковника Филиппова.

– У Вахида дела получше. – Генерал сорвал стебелек молодой травинки и сунул его в рот. – Они работали с Шамилем в Урус-Мартане. Там нашлись люди, которые опознали одного из своих односельчан.

– Осталось отправить подтверждение? – то ли спросил, то ли констатировал Антон, с тоскою глядя на остов вертолета. – Дороговато обошлась нам рядовая командировка.

– А так всегда, – грустно вздохнул Федор Павлович. – Чем легче задача, тем серьезней потери.

Солнце клонилось к горизонту, становясь багряным. На фоне неба ближайший перевал казался черным, лишь местами на его вершинах серебрился снег.

Двое мужчин, одетых в теплые стеганные куртки и камуфлированные штаны, неторопливо прошли вдоль невысокого, выложенного из камня забора, за которым деревья покачивали ветками с набухшими, уже готовыми лопнуть почками. Дойдя до крайнего дома, больше похожего на небольшую крепостную башню, остановились и некоторое время любовались закатом. С этого места ничто не мешало наслаждаться грандиозностью зрелища.

– Как ты думаешь, Махмад, – заговорил на чеченском высокий, со шрамом, тянущимся от уголка глаза к мочке левого уха, бородатый мужчина, – прорвемся?

– Русские привыкли, что в основном мы ходим, когда лес одет в листву, – заговорил второй. Он был немного ниже ростом своего напарника. Его брови казались бесцветными. Коротко стриженные волосы, видневшиеся из-под сдвинутой на затылок кепки, отливали медью.

Махмад Харисов был правой рукой Аль Хаяри. Во время его частых отъездов за границу этот чеченец руководил небольшим отрядом, выходившим на время отсутствия араба в Грузию. В основном Аль Хаяри отлучался за деньгами и для налаживания контактов с восточными покровителями. Хотя здесь, на Кавказе, для Махмада Харисова уже Хаяри являлся хозяином из-за бугра, потому как почти все арабы, имевшие состояние и тратившие его на войну с неверными, считались в Чечне большими людьми. Задача собранного Хаяри войска, состоявшего из нескольких десятков чеченцев, двух арабов, ливийца и украинца, заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность их хозяина во время переходов для встреч с полевыми командирами на территории Чечни, Дагестана и Ингушетии. Аль Хаяри никогда не приходил в эти республики с пустыми руками. Деньги, средства связи, зенитно-ракетные комплексы и огнеметы, которые приобретались в странах СНГ и по сложной схеме переправлялись к границам Грузии, боевики ждали с нетерпением. Кроме материальной и моральной поддержки моджахеды Аль Хаяри личным примером показывали, как надо бороться с неверными во имя священного Халифата. Последний раз, осенью, часть его людей среди ночи атаковала здание милиции в одном из ингушских сел. Заблаговременно, через своих агентов среди местного населения узнали, где живут представители администрации, и, ворвавшись в эти дома, расправились с ними. Совершая такие рейды, они дестабилизировали обстановку. Создавали нервность среди людей, стремившихся к мирной жизни. В ответ на эти действия русские усиливали свое присутствие в этих районах, проводили массовые зачистки, что становилось основной темой для разговоров западных правозащитных организаций.

– Хочешь сказать, что нас никто не ждет? – Аль Хаяри испытующе посмотрел на своего собеседника. Было заметно, что он очень хочет, чтобы тот подтвердил его слова.

– Конечно, – вздохнул рыжий. – Так, для отвода глаз есть местами посты. Сам подумай, сейчас холодно и сыро. Зачем лазить по горам, когда злой чеченец там нет?

Оба рассмеялись. Именно так думают русские солдаты на немногочисленных заставах вдоль грузинской границы.

Как и прежде, Аль Хаяри шел в Чечню с особой миссией. Две недели назад ему вручили один миллион долларов для активизации, или, как выразился русский олигарх Хорин, «оживления» работы в Дагестане. На фоне общей безработицы в этой республике, коррупции во всех ветвях власти и клановой системе административного управления нужно было разжечь пожар, подобный чеченскому. Для этого есть все. Взяв за свою работу в виде комиссионных десять процентов от суммы, араб приступил к разработке плана.

Но это был лишь первый этап задачи. После него планировался поход вверх по великой русской реке Волге. Везде, где ступит нога Хаяри и его моджахедов, начнется мор от страшной болезни. Яков Абрамович Хорин развернул кампанию против России. С недавних пор с его подачи в арсенале боевиков появилось даже бактериологическое оружие. Аль Хаяри нечасто встречался с Хориным. В основном это происходило перед началом активной фазы военных действий в Чечне или серией терактов в самой России. Опальный олигарх ненавидел свою родину. Странно, но Аль Хаяри ненавидел миллиардера не меньше президента страны, с которой воевал. Он не мог понять, какими моральными принципами руководствуется этот человек, наполовину русский, а наполовину еврей, придумывая все новые и новые испытания для своего собственного народа. Как ни странно, и евреи, и русские в этой стране всегда страдали больше всех. Аль Хаяри не брал в расчет чеченцев. Это само собой разумеющийся факт. Но вот понимать Хорина он просто отказывался. Разбогатев на махинациях и торговле природными запасами взрастившего его государства, он теперь втоптывал его в грязь только потому, что ему не давали брать больше. Причем делал это чужими руками. Поддерживая нестабильность на Кавказе, он ратовал за усиление подрывной деятельности в самой России. «Нужно, чтобы падали самолеты с пассажирами, сходили под откос поезда, взрывались дома, – напутствовал он Аль Хаяри. – Россиянин не должен чувствовать себя защищенным, а значит, начнет винить в этом власть. Нужно, чтобы матери хоронили своих детей из-за нехватки врачей и медикаментов. Если же этому пропитому стаду на следующих выборах в довесок дать по паре тысяч рублей, оно проголосует хоть за самого черта. Тогда наступит наше время. Уже все готово, чтобы просто начать брать. Даже не придется менять правительство. Оно давно против президента и собственного народа. И ничего не поделаешь, быдло не надо жалеть. Оно само виновато в том, что превратилось в стадо животных».

Аль Хаяри вспоминал этот монолог Хорина всегда, когда смотрел телевизор. Особенно его поражал блок новостей. Рождаемость падает, больницы ликвидируются, врачи нищенствуют, ученые получают меньше слесарей, наркомания растет, принимая в свои ряды безработных с закрывающихся предприятий. И самое непонятное, почему русские министры собственноручно ввергали страну в нищету и хаос?! Сколько им за это платят? – мучил Аль Хаяри вопрос. Он был уверен – очень много. Для того чтобы так бесстыдно идти по растоптанному в грязи нищим старухам, фронтовикам, инвалидам, нужно иметь огромный стимул.

Несколько месяцев назад Аль Хаяри уже был в России. Он и несколько его компаньонов посетили Забайкалье. В течение недели оформили покупку двух предприятий деревообрабатывающей промышленности на документы бомжей, в два счета уничтожили их, продав в соседний Китай оборудование по цене металлолома. Полным ходом шла подготовка к смене власти. «Оранжевая» революция, о возможности которой еще только рассуждали политики, готовилась и во всю финансировалась.

Аль Хаяри с шумом высморкался и развернулся обратно. Завтра рано вставать. Нужно еще отдохнуть.

– Какой прекрасный вид! – с восхищением, театрально громко выкрикнул стоящий на баке Хорин.

Всунув руки в карманы шорт, он сдвинул очки на лоб, любясь восходом. На вид ему было не больше тридцати, но на самом деле Яков Абрамович готовился отметить в конце года сорок. Своей внешностью он был обязан деньгам. Косметологи, психологи, массажисты и врачи со всевозможными соляриями, спортивными залами и диетой добросовестно отработывали свой хлеб. Он никогда не курил и очень редко употреблял алкоголь. Единственное, чему не удавалось пока противостоять, так это катастрофически увеличивающимся в размерах залысинам и решить вопрос со слабой эрекцией. Ничего не поделаешь, нервы.

Хорин был строен и подтянут. По-своему красив. У него были карие глаза, бесцветные брови и высокий, без единой морщинки лоб.

– Тебе еще не надоело смотреть на воду? – обиженно надув губки, потрепала его за рукав рубашки длинноногая блондинка с разбросанными по спине волосами. Ее глаза были цвета моря и утреннего неба. Темные, почти черные брови делали такое сочетание цветов необычным и красивым. Татьяна Нестерова была самым близким для Якова Абрамовича на судне человеком. Они встретились месяц назад в Израиле. Это знакомство было странным и по-своему оригинальным. В одном из ресторанов, которым владел Хорин, к нему, чудом обойдя всех охранников, подскочила эта девушка, одетая в нелепый наряд, состоящий из белого топика и джинсовых шорт. Схватив его за локоть, красотка с перепуганным видом быстро заговорила на русском:

– Я знаю, вы из России! – она в отчаянии закатила глаза, готовая вот-вот расплакаться. – Меня обманом вывезли в эту страну и хотят заставить заниматься проституцией! Помогите мне! Я еще девственница!

Охранники Хорина уже отбивались от двоих настырных парней, пытавшихся прорваться через стройные ряды оцепления олигарха.

– Я не дам вас в обиду, – успокоил он ее тогда и, обернувшись к своему секретарю, поручил во всем разобраться и помочь.

В этот момент Яков Абрамович рисковал. Подкупленный странной красотой и решительностью девушки, непохожей на своих соотечественниц, зачастую мирившихся с подобной участью, он, невзирая на свои миллиарды, мог получить неприятности. Однако парни недолго пытались качать права и вскоре удалились.

До этого его мало волновали несчастья людей. Более того, беды и трагедии соотечественников поднимали у него настроение. В Турции и на Кипре он частенько снимал для своих охранников русских девушек и требовал унизить и растоптать их за оплаченное время. Он наслаждался болью людей, не научившихся нормально зарабатывать деньги. Не желавших и не пытавшихся заставить свою собственную страну относиться к себе с уважением. Считающих единственным выходом приехать сюда, чтобы своим телом кормить оставленных в России мужей-алкоголиков и дебилов-детей, которые, пока их мамы здесь раздвигают ноги перед местным сбродом с животными инстинктами, нюхают клей, колются, воруют, познают прелести раннего секса. Одним словом – быдло, которое сначала на деньги немцев и водку большевиков перевешало цвет русской нации, а после принялось за самых талантливых представителей своего народа, истребляя его до середины двадцатого века. Подумать только, из всех конструкторов космических ракет не сидели в тюрьмах единицы. Сейчас эта селекция продолжается. Созданы экономические условия, при которых умные и предприимчивые люди покидают страну, бросаясь поднимать науку в США, Германии и других странах мира. Нынешнее правительство он ненавидел за то, что это то же самое быдло, уверенное в том, что вся их работа на занимаемых должностях заключается в обогащении любыми способами себя и своих родственников до седьмого колена. Народ он презирал за развалившиеся дома, покосившиеся палисадники, грязь на дорогах, запущенные пастбища и загаженные реки. Он презирал его даже за то, что тот безропотно позволял ему грабить себя, отдавая за бесценок нефть и цветные металлы. Хорин считал, что такое государство попросту не имеет права на существование.

Дул легкий бриз. Поверхность моря рябила бликами небольших волн, заставлявших на полном ходу слегка трястись и вибрировать корпус.

Третий день яхта «Свобода» курсировала в районе Боливарских островов, неподалеку от берегов Испании. Сделанное по последнему слову техники год назад, судно имело все необходимое, для того чтобы, не заходя в порты, несколько месяцев находиться в море. Оборудованная новейшим радиолокатором, мобильными и стационарными системами навигации, спутниковой связью и системой электронной картографии, она имела и ряд не предусмотренных для

подобного типа судов вещей. Так, например, в отсеке с компрессором, где готовилось снаряжение для подводного плавания, был установлен сейф, упрятанный в переборку из дорогого дерева, в котором хранилось оружие, предназначенное для морских диверсантов. Пять автоматов и пистолет для поражения живой силы под водой Хорин приобрел в период развала СССР у украинских военных, которым после раздела флота досталась секретная база морской разведки. Также в его каюте, кроме душевых комнат, джакузи, туалета, спальни и зала, было крохотное помещение, устроенное таким образом, что обнаружить его можно, только если полностью разобрать шкафы из красного дерева, инкрустированные серебром комоды и бары. В нем небольшой пульт с жидкокристаллическим экраном. Стоило занять место в удобном кресле и нажать кнопку, как взору открывался любой уголок яхты, включая и три гостевые каюты со всеми вспомогательными помещениями. Сюда же выводился и звук. При случае можно было созерцать, чем занимается человек в полной темноте. Кроме приспособлений и оборудования для шпионажа, Хорин уделял огромное внимание обеспечению своей безопасности. Почти аналогичная рубка находилась на корме. Здесь установлен экран, и на стоянках под воду опускалось несколько видеокамер. Также у охранника была возможность прослушивать все подводное пространство в радиусе до пятидесяти метров. Бывший «морской котик» королевского флота хорошо освоил навыки гидроакустика и легко обнаружил бы подплывающего к судну аквалангиста. Восемь хорошо подготовленных сотрудников службы безопасности днём и ночью оберегали своего хозяина от любых неприятностей. С некоторых пор на верхней палубе в специальном контейнере олигарх распорядился держать переносной зенитно-ракетный комплекс российского производства – «Игла». Охранники дежурили парами по два человека. На палубе постоянно находились вахтенные матросы и никогда не отключался радар. Сейчас кроме ставших обычными мер безопасности на расстоянии нескольких кабельтовых болтался на волнах прогулочный катер с людьми из службы безопасности Павловского Эдуарда Петровича. Этот человек уже сутки гостил на яхте Хорина. Любитель поваляться подольше в постели, мял, словно резиновую куклу, прихваченную из Америки негритянку, которую, «приняв на грудь», полушутя-полусерьезно хотел накануне вечером выбросить за борт, как надоевшую игрушку. Перепуганная, плохо понимающая русский, она прямо на палубе попыталась сделать ему минет, однако, получив оплеуху и вконец растерявшись, ускользнула в каюту.

– Хорошо, что у Софии черная кожа, – задумчиво проговорила Татьяна, вспомнив вчерашний инцидент. – Он, наверное, часто ее бьет. Так хоть синяков не видно.

Она обняла Хорина за талию и, прижавшись к нему всем телом, смотрела вперед, на появившийся вдалеке покрытый пальмовым лесом остров.

– Сколько до него километров? – неожиданно спросила Татьяна, задрав голову вверх и пытаясь увидеть его глаза.

– Около двух миль.

– Как это понять – миля? – Ее личико замерло в ожидании ответа. Рот слегка приоткрылся.

– В морской – один километр восемьсот пятьдесят два метра, – посмотрев на нее сверху вниз, Хорин не удержался и нежно коснулся ртом ее губ.

– А почему не два или полтора? – она удивленно хмыкнула. – Для ровного счета.

– Одна морская миля примерно равна средней длине одной минуты земного меридиана, – пояснил он, уверенный, что его новая пассия не поняла и не поймет объяснения.

Хорин глубоко заблуждался. Татьяна Нестерова, а согласно записи в личном деле – Раевская Ольга Дмитриевна, не хуже его знала меры длины, умела обращаться со всеми навигационными приборами, находящимися на борту яхты, владела стрелковым оружием на уровне мастера спорта, могла дать фору в рукопашной схватке паре хулиганов и говорила на трех языках. Однако ее основным качеством являлась хорошая память, умение ориентироваться в сложной обстановке, входить в образ как необразованной проститутки, так и бизнес-леди. Она

прекрасно разбиралась в политике и всегда знала, какого характера информация необходима «Центру».

За двадцать три года своей жизни эта симпатичная мадам окончила школу с английским уклоном, потом юрфак, параллельно занимаясь спортом, выступая на соревнованиях. Отработав год оперативным сотрудником в МВД, неожиданно уволилась. Затем семь месяцев учебы в одном из закрытых учебных центров Генерального штаба. Две недели стажировки в торговом представительстве России в Норвегии. В это время аналитики ГРУ, изучая менталитет, психологию, наклонности и привычки Хорина, пытались определить тип женщины, который бы понравился этому человеку, бились над оптимальным вариантом «друга», «любовницы», «жены», который мог влиять на этого человека, подчинить своей воле и заставить выполнять любые капризы. Хорин к этому времени сплотил вокруг себя всех одиозно настроенных политиков и олигархов, заработал авторитет в странах, которые могли оказывать влияние на Россию. В общем, полным ходом проводил работу по подготовке к предстоящим выборам. Более того – финансировал боевиков на Кавказе. Нестабильность в стране была необходима для достижения многих целей. Нужно было знать его планы, круг общения, а для этого внедрить в окружение этого монстра не обыкновенную шлюху, а сратника. Таким человеком, по мнению большинства сотрудников, оказалась Ольга Дмитриевна. После необходимых инструктажей, изучения новой биографии и посещения гинеколога, где она приобрела невинность, став согласно полученным документам Нестеровой Татьяной Николаевной, по туристической визе старший лейтенант Раевская вылетела в Израиль.

Восстановление девственной плевы было обусловлено своеобразными взглядами Хорина на жизнь. Он был без ума от людей, чем-то отличающихся от остальных. Не подходящих под обычные стандарты. Невинность в двадцать три года должна была поразить олигарха наравне с красотой, умом и проницательностью этой женщины. Кроме видимых качеств был заготовлен ряд сюрпризов, которые, по мнению занимавшихся разработкой операции сотрудников отдела, наверняка продлят время их нахождения вместе.

Яков Абрамович посмотрел на часы, затем развернулся к рубке, на которой маячил в безукоризненно белой сорочке и шортах капитан:

– Организуйте к одиннадцати прибытие гостей в кают-компанию.

В комнате с единственным окном, до половины заложенным бумажными мешками с песком и затянутым металлической сеткой, было сумрачно. Уже вечерело. В обед на подстанции вышел из строя трансформатор, и сейчас во дворе трещал генератор, обеспечивая электричеством лишь связистов.

Родимов уселся на одну из двух установленных здесь кроватей и сразу снял ботинки.

Антон навалился плечом на дверной косяк и внимательно посмотрел на генерала:

– Разве не могли смежники заняться проверкой этой информации? Тем более их здесь на постоянной основе немало служит. – Антон никак не мог смириться с тем, что командировка закончилась гибелью Завьялова. – С таким же успехом по селам могли проехать милиционеры или коменданты. Много ума надо – сунуть под нос фотографию и задать пару вопросов, следя за реакцией человека?

– Не стони, – едва слышно проговорил Родимов, ложась поверх одеяла и забросив ноги на дужку кровати. – Не все так просто.

– В смысле? – Антон насторожился.

– Я подключил вас с самого начала к выяснению личностей боевиков, отправившихся в Палестину, не потому, что кто-то другой с этим не справился, – Родимов покосился на Антона и вздохнул. – Разведка «Моссад» – серьезная контора, а на территории Израиля прячется Хорин. Есть вариант – под марку разборок со своими чеченцами подобраться к этому олигарху прямо

в Тель-Авиве. Других способов отправить на Землю обетованную группу спецназа у меня нет. Израильтяне вас вмиг раскусят.

– И под каким соусом вы нас там подать решили? – удивленно протянул Антон.

– Подавать себя будете вы сами, – строго сказал генерал. – Нашел официанта. – Он поерзал, успокаиваясь: – Зная, как работают израильтяне, я убежден, что они следят за нашими действиями, и даже допустил слабую утечку информации, но не настолько серьезную, чтобы насторожить их. – Родимов повернулся лицом к Антону и подпер голову рукой. – Они располагают сведениями о том, кто занят сейчас работой по их запросу. Если после всего группа полетит туда под видом туристов, я больше чем уверен – израильтяне решат, что вы собираетесь ликвидировать чеченских террористов самостоятельно. Эта страна приветствует такие шаги.

– Но о том, что располагает по этому поводу информацией, виду не подаст, – договорил Антон, догадавшись, к чему клонит Федор Павлович.

– Вот именно, – Родимов оживился. – Более того, если сейчас предложить официальную помощь, обязательно откажутся.

– Я все понял, – кивнул Антон. – Только каким образом, оказавшись в Тель-Авиве, выйти из-под контроля «Моссада» и заняться непосредственно Хориным?

– Олигарх под колпаком сотрудников четвертого управления. Его местонахождение, круг общения и все прочее известно. Задача – физическое устранение. Причем таким способом, чтобы выглядело это естественным образом.

– И оставалось время на выезд из страны, – вновь договорил за него Антон. – Хорошо. Но пока мы находимся в Чечне. Насколько я понимаю, здесь имеются еще какие-то задачи?

– Ты правильно понимаешь, – подтвердил Родимов. – Для начала надо дождаться остальных офицеров группы и закончить с отправкой Завьялова. Кстати, кому ты поручил это дело?

– Оформление бумаг Дорофееву, – Антон вздохнул.

Дрон был лучшим другом Злака и служил в группе с ним с самого начала. Смуглолицый, среднего роста майор сейчас сидел на перевернутом вверх дном ведре во внутреннем дворе комендатуры. Наблюдая, как двое солдат-контрактников из комендантской роты, в расположении которой остановилась на время командировки группа, обшивают деревом прямоугольный гроб из оцинкованного железа, он то и дело прикладывался к плоской фляжке со спиртом. Самого Завьялова, вернее, то, что от него осталось, отправили в Грозный. На коленях Василий держал папку с сопроводительными документами.

– Ну, ты чего. – Антон подошел со спины и осторожно тронул Дрона за плечо. – Расклеился?

– Ты зачем «духа», который вас сбил, живым оставил? – не оборачиваясь, процедил тот сквозь зубы.

– Хотя один из трех даст объяснения и ответит по закону, – выдержав паузу, ответил Антон. – Что бы дала его смерть? Сейчас контрразведчикам известно, кто обеспечивал их средствами ПВО и графиками полетов.

Грохнула железная калитка в огромных въездных воротах, и во двор вошли офицеры-чеченцы.

Вахид Джабраилов, которого в группе все сокращенно называли просто Джин, Шамиль Батаев, с позывным Шаман, и его брат Иса сразу направились к Антону.

– Какие планы на вечер? – Вахид с тоской посмотрел на творение комендачей и пригладил несуразно торчащую в разные стороны черную бороду.

– Пока не знаю, – Антон неопределенно пожал плечами. – А что?

– Так, – уклончиво ответил Джин.

Тем временем Батаевы отошли к крыльцу и о чем-то зашептались. Иса, больше похожий на подростка, отчаянно жестикулировал руками.

– Чего это они? – Антон вопросительно посмотрел на Джина.

Тот бросил настороженный взгляд на своих подчиненных. При этом косматые брови съехались на середине лба, образовав одну сплошную линию:

– Ису женить хотят, – он вздохнул.

– Вот так новость! – Антон даже забыл о несчастье и уже с нескрываемым интересом посмотрел на чеченцев.

Братья Батаевы и Джабраилов в свое время работали в Курчалоевском отделе внутренних дел. ГРУ тогда очень нуждалось в национальных кадрах для своих подразделений спецназа. Никто лучше самих чеченцев не знает этого менталитета, обычаев и местности. В ходе долгого и скрупулезного анализа многих сотрудников силовых ведомств остановились на них. В результате спецоперации был инсценирован переход милиционеров на сторону боевиков. Затем последовали изнурительные тренировки и занятия, чередовавшиеся с реальными командировками не только на Кавказ, но и в другие регионы. Из-за слабого финансирования в распоряжении ГРУ имелось всего несколько групп смешанного состава, то есть офицеры и прапорщики. До этого был период, когда подобные подразделения комплектовались исключительно прапорщиками. Впрочем, качество от этого не особо страдало, даже наоборот. Считалось, что офицера едва успевали обучить, как подходило время очередного воинского звания со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сейчас вновь поползли слухи, что в Генеральном штабе задумали новую реорганизацию. Антон вздохнул. На его памяти она будет уже пятой.

Между тем Шаман, изредка бросая по сторонам ничего не выражающий взгляд, что-то выговаривал Исе, методично тыча ему в плечо указательным пальцем. Тот стоял, понуро опустив голову. Младший не может перечить старшему. Наконец Шамиль закончил монолог, и братья подошли к Антону.

– Ну что, – Антон весело посмотрел сначала на Шамиля, потом перевел взгляд на Ису, – скоро свадьба?

– Не могу я сейчас жениться, – на полном серьезе ответил Иса. – Ты ведь, командир, сам говорил, отпуск на родину нам запрещен до полной стабилизации обстановки в республике. В командировки мы сюда не так часто ездим, да и то в основном тайно. Ты даже запрещаешь в сторону родового села смотреть.

– Теперь можно, – Антон вздохнул. – Нас, по всей видимости, снова расформируют.

– Как это?! – в один голос спросили Джин и Шаман. Развернулся на ведре и Дрон.

– А вот так, – Антон сплюнул под ноги. – Кто-то диссертацию защитил, что на наше содержание и обучение уходит гораздо больше средств, чем мы отрабатываем.

– Ничего себе! – возмущенно протянул Дрон. – Завод по производству химического оружия уничтожили, предотвратили взрыв в метро...

– Да пальцев не хватит! – процедил сквозь зубы Джин.

– Ты думаешь, тот, кто работал над этим предложением, допущен к информации о том, какие операции мы провели? – усмехнулся Антон. – Не забывай, у нас армию сократили, пустили под пресс лучшие образцы вооружения и развалили оборонные заводы люди, которые автомата в руках не держали. Как будто не знаешь, в какой стране живешь.

– А нас куда? – растерялся Вахид. – Обратно в милицию?

– Не бойся, – Антон потрепал его по плечу. – Такие кадры не выбрасывают просто так. Ты теперь спокойно в любую бригаду спецназа можешь уйти. Начнешь учить солдат-срочников.

– Не, – на полном серьезе протянул Джин. – Учить не хочу. Привык учиться.

– Тогда могу дать дельный совет. – Дрон убрал наконец флягу и, поднявшись с ведра, поддел его носком ботинка, словно футбольный мяч. Проследив взглядом за полетом, дождался, когда оно грохнется в углу двора, и развернулся к офицерам: – Во Французском легионе или Израильской армии за нас столько отвалят, что на всю жизнь хватит.

– Ты это серьезно? – осторожно спросил невесту откуда взявшийся Полинцев. Он был по пояс раздет, а через плечо болталось полотенце.

Крепко сложенный, с боксерским подбородком кареглазый офицер недоверчиво смотрел на товарища. С мокрых, соломенного цвета волос стекали капли воды.

– А ты думаешь, мы здесь кому-то нужны, кроме друг друга? – Глаза Дорофеева налились яростью. – Вот как сказать сейчас, ради чего Злак погиб? Кого защищал? Олигархов? Они в России не живут. У них тут только ресурсы... Нефть, железо, газ... Депутатов, которые во взятках погрязли и родину распродали? Или алкашей, что с утра рельсы с железной дороги тырят, а после обеда их пропивают? Кого? Тех, кто спокойно смотрит, как... – он икнул и слегка покачнулся. – Я, например, ради вас воевал и чтобы не видеть того блядства, что в мирной жизни... Подальше от нее быть хотелось...

Глава 2

Аль Хаяри шел в середине колонны боевиков, направляющихся гуськом через затянутый густым туманом перевал. Впереди, в километре, двигался с небольшим отрядом Махмад Харисов. Пятеро моджахедов под его руководством выполняли функции головного дозора. Они должны были первыми обнаружить противника и не дать ему занять выгодные рубежи, чтобы напасть на основные силы. В свою очередь, от них на удаление зрительной связи, вперед уходил еще один моджахед. Если передовой отряд нарывался на противника, то ввязывался в бой, чтобы дать возможность перегруппироваться идущим следом. Тем временем Аль Хаяри должен либо организовать оборону, либо отступить или атаковать. Все будет зависеть от того, с какими силами столкнется его разведка. Пятнадцать боевиков, которые шли непосредственно с ним, несли на себе огромные рюкзаки с прикрученными к ним контейнерами огнеметов. Сзади, во избежание нападения на отряд с тыла, двигалась группа боевиков, выполнявшая задачу тыловой походной заставы, и по два человека перемещались справа и слева от основных сил, осматривая подступы с флангов. В общем, Аль Хаяри организовал совершение марша по всем правилам военного искусства. Внезапно на колонну напасть было невозможно. Всему этому он учился, как ни странно, у русских. Еще в первую чеченскую кампанию, разыскав в полевой сумке убитого офицера «Боевой устав сухопутных войск. Часть третья», подробно его перечитал. Потом еще раз. Нашел «вторую». Так же внимательно изучил и ее. Постепенно его настольными книгами стали «Боевые уставы», «Учебник сержанта мотострелковых войск», «Наставление по разведке», «Наставление по стрелковому делу». Эти и многие другие пособия российских военных заняли место в походной библиотеке наравне с Кораном. Он заставлял читать их и своего помощника Махмада. Частенько собирал вокруг себя моджахедов и рассказывал им об основах ведения боя. Он научился понимать, как воюют против него, и сумел обучить своих воинов этому искусству. Он никогда не шел вслепую. Огромные деньги тратились на организацию агентурной сети, оборудования схронов, складов с продовольствием и боеприпасами. Редко используя свой отряд в полном составе для нападения на объекты неверных, он ввел практику отправлять одного-двух боевиков в населенные пункты, где при помощи денег, имея соответствующие знания, они быстро создавали небольшие мобильные группы, выполняли задачу и тут же растворялись. Его удары были очень ощутимы, неожиданны и практически всегда оставались безответными. Зачастую милиции попадались лишь исполнители из числа местных жителей, тогда как люди Хаяри уходили. Поймать их было непросто. Они знали основы конспирации. Нанимая для диверсий чеченцев, представлялись другими именами и никогда не называли свои родовые села. Пленники ничего не могли сказать о моджахедах, чьи задачи они выполняли.

Именно такую тактику он использует этой весной в Дагестане. В течение нескольких дней будет терроризировать эту республику, а когда она мобилизует все свои ресурсы для поимки организаторов диверсий, рванет не обратно в Чечню, как это зачастую делали другие полевые командиры, а через Махачкалу в Астрахань. Тогда придет черед России.

Начался спуск. Подошвы ботинок скользили на мокрых камнях. Несколько раз Аль Хаяри падал на спину, но его тут же подхватывали шедшие рядом моджахеды.

Неожиданно пискнула висевшая на груди радиостанция.

Араб подтянул к губам ремень разгрузочного жилета, на котором она была закреплена, и нажал на «передачу»:

– Слушаю Камил, – отозвался он своим позывным.

Одновременно свободной рукой Хаяри дал знак, чтобы все встали. На связь мог выйти кто-то из старших дозоров.

Боевики, получив команду «всем стой», без всякой подсказки рассредоточились, укрывшись за камнями, выступами скал и в углублениях, оцетинившись стволами автоматов, заняв круговую оборону. Каждый сейчас наблюдал в своем секторе. Это тоже была заслуга Хаяри. Еще год назад они бы попросту столпились и стали громко обсуждать погоду или что-то еще. Теперь нет. Он научил их, как вести себя, и гордился этим.

– Скоро будет горный аул, – прошипела станция голосом Махмада. – Иногда там бывают кадыровцы или люди Ямадаева.

Хаяри очень опасался подразделений, работающих на новую власть. Они были серьезными противниками и хорошими воинами.

– Отправь человека.

Поставив задачу, араб посмотрел на небо, затянутое облаками. Дожда не было, но в воздухе кружила мелкая водная взвесь, похожая на туман. Одежда промокла. Ночь они собирались провести в этом селении. Он хорошо знал его жителей и платил им за молчание. К тому же несколько боевиков его отряда имели там родственников. В основной своей массе местные жители были престарелыми людьми. Добраться до этих мест с равнинной части было непросто. Малопригодная для легковых автомобилей дорога заканчивалась в десяти километрах. Дальше сюда вела только тропа, по которой можно было передвигаться лишь пешком. При Союзе в эти края летал раз в месяц вертолет, который привозил продовольствие и топливо для генератора. Жившие в те времена здесь люди занимались разведением баранов и обслуживанием телевизионного ретранслятора, который давал возможность смотреть передачи центрального телевидения на другой стороне перевала. Сейчас от него осталась лишь одна высокая бетонная мачта с площадкой на самом верху. Был в этих краях и виноградник, но в последнее время его запустили. Он располагался ниже села, в небольшой долине.

– Все чисто! – прохрипела станция голосом Махмада.

– Тогда вперед, – подбодрил его Аль Хаяри.

Он знал, Махмад не задержится в ауле, а, быстро осмотрев дома, выйдет далеко за его пределы и распределит своих боевиков в окрестностях, выбрав места для секретов и постов. Потом их сменят основные силы. Будет налажена караульная служба.

Хаяри поправил автомат и направился по едва заметной тропинке с островками пожухлой травы между камней.

Этот аул располагался с восточной стороны почти отвесной скалы. Сложенные из камней дома походили на уменьшенную в размерах крепость со множеством различных башенок, соединенных между собой невысокими каменными заборами. Во дворах загоны для скота, стены которых были сложены из саманного кирпича, а крыши покрыты соломой. В километре бежал небольшой ручеек, превращающийся по весне в бурную и непредсказуемую реку. Уже сейчас вода в нем была желтой и, налетая на камни, угрожающе гудела, предупреждая о начале массового таяния снегов в верховьях. Висящий над потоком мост был мокрым от брызг и казался черным. Сразу за ним начинался кустарник, который летом скрывал передвижение бойцов Аль Хаяри в сторону низины, но также мог сделать незаметным приближение врагов. Поэтому там начинались посты.

Оглядев придирчивым взглядом дома, он направился к самому старшему жителю этого селения Азату Тамаеву. Старейшина принадлежал к тейпу, потерявшему за время войны с неверными много мужчин. Араб уважал его и даже назначил пенсию, выплачивая по сто долларов в месяц. Тамаев не желал брать этих денег, но Хаяри убедил его, что этого хотят люди в Эмиратах, которые слышали о подвигах его сыновей. Он прекрасно понимал, тратить огромную по местным меркам сумму старику здесь некуда, и был наслышан от соседей, что он нередко покупал лекарства для больных, оружие, фонари. Для этих целей Тамаев снаряжал в ближайшее селение правнука. Нередко горец укрывал у себя небольшие группы боевиков, прорывающихся в Грузию, лечил раненых, и деньги играли в этом большую роль. Как и во

многих горных аулах, сохранившихся со времен Кавказской войны девятнадцатого века, здесь были вырублены в скалах потайные комнаты, которые можно было использовать под склады, схроны и лазареты. Практичные и молчаливые чеченцы даже во времена существования Союза не раскрывали свои тайны случайно появляющимся в этих краях геологам, биологам и просто туристам. Они словно знали, что на эту землю снова придет война и все это еще пригодится.

Азат Тамаев встретил Хаяри во дворе. Он стоял в папахе и пальто, оперевшись на суковатую палку, глядя на гостя из-под косматых седых бровей. Двор располагался на склоне горы, и поэтому старик возвышался над арабом. Рядом с Тамаевым сидел подслеповатый кавказец Казбек. Собаке было уже за двадцать. Он почти не лаял, издавая хрипящие звуки, напоминающие кашель, но слыл надежным сторожем своего хозяина. Подергивая обрубками ушей, пес с безразличием во взгляде наблюдал за гостем.

– Здравствуй, хозяин, – араб слегка наклонил голову, коснувшись ладонью левой половины груди. – Мир дому твоему!

– Заходи, Хаяри, – ровным голосом ответил старик. – Рад снова видеть тебя.

Араб подошел вплотную к старику, и они обнялись.

– Как путь? – отстранившись от гостя, спросил Азат, подслеповато шурясь.

– Вышли с рассветом. – Хаяри окинул взглядом затянутый туманом перевал, на который почти шесть часов карабкались его моджахеды, рискуя в любую минуту сорваться в пропасть, а потом еще спускались, на каждом шагу опасаясь засады. – Десять часов, и мы здесь.

– Пройдем в дом, – засуетился старик, словно вспомнил что-то очень важное.

В небольшой комнате с подслеповатым, похожим на вертикальную щель оконцем стоял грубо сколоченный и отполированный временем стол, две скамейки. В углу – бачок с водой. На стене несколько полок с домашней утварью и керосиновой лампой. Вход в соседнюю комнату был задернут засаленной занавеской. Там Хаяри тоже был. Две старинные железные кровати и шкаф. На полу ковер. Неровные стены украшены оружием и несколькими пожелтевшими фотографиями в самодельных рамках.

– Два дня назад были русские. – Азат, шаркая ногами, прошел к столу и медленно опустился на скамейку. – Прилетели на вертолете. У них были фотографии моджахедов, среди которых известные мне люди. Есть даже один родственник. Зовут Саламбек. Он из Марзой-Мохк. Племянник...

– И что они хотели?

– Спрашивали, узнаю ли я кого-то из них. – Лицо старика сделалось злым. – Кто мог сказать, что я дядя Саламбека? Как они нашли меня в этом месте? Село, в котором живет этот парень, находится в предгорье. Я был там много лет назад.

– Тебя беспокоит, что к его розыску отнеслись с такой серьезностью? – догадался Хаяри. – Или ты просто волнуешься за него?

– Я не видел Саламбека почти год. Думал, съела война. Почему из-за какого-то мальчишки они прилетели так далеко? Что он мог натворить?

– Почему натворить? – усмехнулся Хаяри, наконец догадавшись, в чем дело, и усаживаясь напротив. – Он защищает свою родину, а это не нравится новой власти и русским.

– Я сказал, что не буду ничего говорить и не хочу, чтобы в мой дом заходили враги.

– А они? – Хаяри с трудом скрыл улыбку.

– Ушли, – старик вздохнул. – Жалко, я слаб и стар.

– Зато ты мудр, – покачал головой Хаяри. – Это важно для великого народа.

Выйдя на улицу, чтобы посмотреть, как отряд готовится к отдыху, араб прошел по единственной улице, придирчивым взглядом окинув дворы и дома. В любой момент может появиться вертолет, и военных ничто не должно насторожить с воздуха.

Аль Хаяри догадался, почему русские с таким рвением пытаются узнать, кто изображен на снимке, который показывали старику. До них дошли сведения, что часть боевиков пере-

бралась в Палестину для помощи братьям по вере в священной войне. Наверняка, как всегда, проболтался Басаев. Сколько раз он говорил ему, что его хвастовство не приносит пользы.

Подошел Рустам. Вид его был измученным.

– К чему такая спешка? – высокий, с атлетической фигурой чеченец оглянулся по сторонам и вновь уставился на Хаяри. – Мы как на ладони. Стоит только русским поднять вертолет, и нас обнаружат.

– Сейчас густой туман, – возразил Хаяри. – А в этих местах нет деревьев. Даже если мы пойдем позже, ничего не изменится.

– Но через неделю уже зазеленеют леса, – возразил ему Рустам. – Можно было немного подождать.

Он, как и большинство боевиков, не был посвящен в планы Хаяри и Махмада Харисова.

– Сейчас русские готовятся к весне в горах, – немного подумав, заговорил араб. – Поверь, уже через несколько дней туманы станут слабее, повсюду начнут летать вертолеты, на перевалах появятся дополнительные посты. Мы войдем в начавший распускаться лес и устроимся на некоторое время в склоне у Сухого ручья. Нам надо как можно быстрее пройти в Дагестан. Там разделиться на тройки и в течение нескольких дней устроить беспорядки. После всего просочимся в Россию. Мы должны будем заставить содрогнуться этот народ. Хорин ждет от нас результатов. Кроме того, несколько человек пройдут в Ставропольский край. Нужно пустить под откос пару составов на скоростных перегонах.

– Почему ты не говорил мне об этом раньше? – удивился чеченец.

– Разве ты сам не догадался по тому, сколько взрывчатки мы несем на своих плечах и чему учились все это время в Грузии?

Почти всю зиму араб обучал боевиков взрывному делу. Основной упор делался на то, чтобы минимальным количеством взрывчатых веществ максимально повредить железнодорожное полотно или мост. Он был убежден, что не стоит, придя в Россию, искать оружие и боеприпасы на месте, даже имея налаженные каналы его поставки. Исходя из опыта предыдущих рейдов, он знал, что такие действия наполовину обеспечивают провал. Все нужно нести с собой, быть максимально автономным и никому не доверять. Пусть глупый Басаев, как и прежде, приписывает его подвиги себе. Хорин знает, кто на самом деле стоит за расстрелянными колоннами, взорванными трубопроводами и сбитыми вертолетами. Настоящий диверсант, а именно так называл себя Хаяри, должен быть незаметен. Он не политик, а воин.

Хорин и Татьяна сидели в каюте, потягивали через соломинку из высоких стаканов холодный апельсиновый сок и болтали о пустяках, когда вошедший стюард сообщил, что гости собрались в конференц-зале. От того, с каким пафосом одетый в безупречно белую сорочку и черные брюки молодой парень сообщил об этом Хорину, Татьяна едва не поперхнулась кислото-сладким напитком.

– Вообще-то больше подходит кают-компания, – заметила она в ответ на недоумение во взгляде своего возлюбленного.

Татьяна не скрывала своих насмешек над причудами олигарха. Везде присутствовал приторный порядок и почти стерильная чистота. Нигде не маячили лишние люди, и даже охрана между собой общалась без нецензурных выражений. Прямо яхта благородных девиц. Только вот гости были отнюдь не образец воспитания. Павловский весь вечер жрал водку, гонялся за своей негритянкой, а если ловил, то задирали юбку и шумно совокуплялся. У Татьяны даже возникло подозрение, что он делает это нарочно, чтобы вывести из себя Хорина.

Томас Райт вторые сутки подряд кувыркался в своих апартаментах сразу с тремя разбитыми деваками, которых доставили вертолетом прямо из Барселоны. Но гвоздем программы был Лещ. Лещев Гаврил Иннокентиевич был бизнесменом первой волны, с богатым криминальным прошлым. Грузный, постоянно потеющий великан с маленькими глазками и редкими,

жиденькими волосиками на голове нарисовался в обществе друга, щуплого англичанина в очках, за которыми тот прятал застенчивый взгляд. Представив его личным секретарем, Лещ уже через час драл его в душевой кабине под самым глазком хитроумно установленной в лейке видеокамеры. Одновременно динамики головных телефонов в операторской владельца яхты издавали мерзкий визг и похрюкивание. Все это Татьяна вместе с Хориным имела возможность наблюдать еще вечером, отчего ночью плохо спала, а за завтраком ела без особого аппетита.

Хорин, напротив, отнесся к этому как к само собой разумеющемуся и попытался убедить ее, что в поведении его гостей нет ничего необычного.

– Все гениальные люди по-своему сумасшедшие. Возьми Ленина, Гитлера, Сталина... – пытался он доказать ей свою теорию, когда они легли спать. – Маньяки, чудики, параноики...

– Но ведь Лещ и Павловский не гении, – возражала она, лежа на его руке. – А этот американец и вовсе какой-то ущербный. Я вообще сначала думала, что он гей. Тут даже средними способностями не пахнет. Животные.

– Почему? – он удивленно хмыкнул. – Необязательно использовать свой талант для науки или искусства. Они ворочают миллиардами, и поверь, это не намного легче, чем решить какую-то теорему.

– Значит, ты тоже ненормальный? – сделав вид, что испугалась, проговорила она.

Он игриво укусил ее за шею и, что-то прорывав, стал снимать трусики...

Поднявшись с кожаного дивана, Яков отставил стакан с недопитым соком на стеклянный столик и подошел к зеркалу. Одернул рубашку. Критически оглядел себя с головы до ног, задержав взгляд на волосатых ногах, торчащих из шорт.

– Надень все-таки легкий костюм, – догадалась, о чем он подумал, Татьяна. – Сам же говоришь, люди солидные, – последнее было сказано с нотками легкой иронии в голосе.

– Ты пойдешь со мной? – заранее зная ответ, зачем-то спросил олигарх.

– Нет. Мы же вчера говорили об этом.

После того как двери за Яковым Абрамовичем закрылись, Татьяна преобразилась. Соскользнув с дивана, она прошла к выходу и, с минуту послушав, как удаляются по ковровой дорожке шаги Хорина, поставила замок на защелку. Затем вернулась в спальню. Открыла платяной шкаф из красного дерева, сдвинула в сторону наряды Хорина и надавила на заднюю стенку. Щелкнув, она отошла в сторону. Войдя в небольшой тамбур, Татьяна развернулась и, закрыв за собой створки, нащарила в темноте три выпуклости на обшивке. По очереди, в определенной последовательности, надавила на них. Раздался едва слышный зуммер, и сверху выскочила ручка. Потянув за нее, она открыла узкую дверь, откатившуюся на роликах куда-то в сторону борта. Оказавшись в тесном, метр на метр, помещении, откинула небольшое кресло и уселась за столик с установленной на нем клавиатурой. Тело сразу покрылось испариной. Палуба прогрелась под солнечными лучами, и здесь было душно. Нажала на кнопку вентиляции. Почти сразу стало легче дышать. Включила экран и вывела на него схему расположения помещений судна. Щелкнула мышью на конференц-зале. Экран разделился на четыре части. Именно столько было установлено там миниатюрных видеокамер. Отделанные дорогими породами дерева стены и потолки, инкрустированные серебром колонны. Посреди помещения круглый стол. Вокруг кресла. Они не особо мягкие и не такие глубокие, как в других каютах. Наверняка это сделано специально, чтобы не расслаблять работающих здесь людей излишним комфортом.

За столом сидели Лещ, Павловский, Томас и Хорин. Позади них, на небольших диванчиках с жесткими спинками, – помощники. Причем рядом с Лещем действительно был тот самый педик, которого он отымел в душевой, едва оказавшись на яхте.

Новейшие электронные системы поддерживали в помещении умеренную температуру и влажность. По лицам собравшихся было видно, что они не испытывают дискомфорта. Все

были одеты в легкие деловые костюмы. Лишь секретарь и по совместительству педик Леща – в футболке и джинсах.

– Собралась компашка, – брезгливо сморщилась Нестерова, доставая из кармашка шорт небольшую флеш-карту и подсоединяя ее к разъему системного блока. Теперь вся информация будет скачана на этот электронный носитель.

Между тем в зале решался вопрос, как свалить рейтинг действующего президента России.

– У нас министры все вот где, – потрясал кулаком над столом Павловский. – Еще подкрутить цены на энергоносители, а вслед за ними взлетят на все остальное, и буза обеспечена. Как мы здравоохранением народ смутили? Сейчас притихли, но это пока не дошло, что к чему...

– Я вообще предлагаю сброситься и купить голоса, – неожиданно вздохнул Хорин. – Сейчас в деревнях зарплата восьмьсот рублей норма. Дай три тысячи, и эта тля за кого хочешь проголосует.

– А мы можем не три, а больше давать, – прокартавил американец. – Все равно не жалко. По сути, это их деньги. Пусть русский немного водка на халяву пьет.

– А не рано заговорили о выборах? – неожиданно сменил тему Лещ. – Как-никак три года еще. Вот нам бы бузу вроде хохляцкой устроить. Это уровень.

– Конгресс тогда выделил Украине пятьдесят семь миллионов долларов, – напомнил Райт. – Причем это были выборы. Их просто надо было повернуть в нужное русло. Россия совсем другой вопрос. Там нужна очень большая нестабильность. Нужен кризис власти. Много аварий, катастроф с гибелью людей. Тогда можно говорить о революции. Но еще нужно, чтобы народу нечего было есть.

– Нам удалось устроить все таким образом, что практически вся прибыль от продажи сырья не остается работать в России, а под разными предлогами выводится за ее пределы. Сельское хозяйство и промышленность на голодном пайке. Там, где недавно строили самолеты, сейчас склады под китайский ширпотреб. Страну лихорадит отсутствие рабочих мест, наркомания, алкоголизм и, как следствие, разгул преступности. Количество беспризорных детей давно исчисляется миллионами. Поверьте, до того, о чем вы говорите, остался один шаг, – заверил его Хорин. – Еще немного, и вступят в ВТО, а это массовое закрытие огромного числа предприятий, которые не в состоянии тягаться с Западом. При том количестве водки и наркотиков, которые ввозятся, получится гремучая смесь.

– Как бы от этого самим не пострадать, – поежился Лещ, – а то как в семнадцатом...

– Такого не будет, – успокоил его Хорин. – Мы же просто хотим поменять курс. Кто платит, тот и заказывает музыку.

Нестерова слушала болтовню олигархов вполуха. Пока ничего интересного. Обычная трепотня. В крайнем случае, сбросит всю эту информацию в «Центр», пусть там разбираются. Ищут подтекст и все такое прочее. На ней техническая сторона вопроса. Причем она уже в полной мере вкусила прелести «черновой» работы. Хорин, при всех своих недостатках с интимом, уже успел достать. Однако то, что прозвучало дальше, заставило ее отвлечься от посторонних мыслей.

– Отряд Аль Хаяри вчера вошел на территорию Чечни, – неожиданно слова Хорина заставили ее сосредоточить все внимание на происходящем в каюте. – Транзитом он пройдет в глубь России. Посмотрим, что принесет нам этот рейд. А пока ознакомьтесь с моими расходами на это мероприятие и будьте добры компенсировать.

С этими словами он выложил на стол тонкую папку, которую тут же взял в руки Лещ. Открыв ее и пробежав по тексту взглядом, он скривился в улыбке:

– По-моему, не так это и много, – он протянул ее через стол американцу. – По триста тысяч с носа? Хоть завтра.

– Я должен получить отчет, как использовались эти деньги, – неожиданно заговорил Павловский. – Может, нет никакого Аль Хаяри, а ты нас просто дуришь? Давай сначала посмотрим результат.

Хорин спокойно выдержал взгляд покрасневших после бурной ночи глаз и, скривившись в безразличной улыбке, цыкнул:

– Только после этого я удвою ставки.

Теперь Татьяне очень хотелось дослушать разговор. Оборудование, которым ее снабдил Центр и которое нужно еще смонтировать, выстрелит информацию за секунду, закодирав ее еще на электронном носителе, который она подключила к компьютеру Хорина.

По возвращении же в Россию ей придется писать подробный отчет, в котором она должна указать все слабые и сильные стороны людей, с которыми работала. Составить их психологический портрет. Такие сведения давали в последующем возможность находить способы воздействия на них. Зная слабости и тайны объекта, можно манипулировать им.

Вернувшись в спальню, Татьяна с трудом вынула из шкафа большой пластиковый чемодан и, открыв его, развернула крышкой в сторону севера. Затем достала небольшую сумку и извлекла из нее обыкновенный фен. Это устройство полностью выполняло свои функции, подавая на волосы горячую струю воздуха. Встроенная в ручку микросхема сжимала сигнал и через специальный телефон, похожий на сотовый, подавала его в эфир, используя в качестве антенны обыкновенный чемодан, крышка которого также выполняла двойную функцию. Раскидав все это на кровати, Нестерова создала видимость беспорядка. Оставалось дожидаться окончания разговора, забрать флешку и отправить все в эфир.

Вошедший через некоторое время в каюту Хорин замер с открытым ртом. В одних кружевных трусиках Татьяна стояла перед зеркалом, поглаживая свои полушария с розовыми сосками на смуглой коже.

– Ты чего? – он окинул взглядом разбросанные по комнате вещи. – Решила примерочную устроить?

– Оставил меня одну почти на два часа. – Она развернулась к Хорину и, повиснув одной рукой на шее, чмокнула его в губы. – Что оставалось делать девушке, которой надоела музыка, кино, а одна она не любит пить? Я решила обследовать свой гардероб. Не волнуйся, через минуту все уберу.

На самом деле Нестерова создала такие условия, при которых от рассеянного внимания олигарха ускользнуло напряжение в ее голосе и странности поведения. Опытный психолог всегда определит состояние человека, когда он пытается что-то скрыть. Для таких моментов были разработаны и соответствующие инструкции.

Родимов объявил сбор в полночь. Ничего не объясняя собравшимся на отдых разведчикам, генерал распорядился прийти в кузню. Комендатура размещалась на территории бывшего завода по ремонту комбайнов, и давно приспособленные под казармы столовую, склады и гаражи помещения по инерции называли цехами.

Вопросительно переглядываясь, разведчики через минуту заполнили небольшую комнату с остатками горна и огромным карнизом вытяжной трубы.

Родимов был одет в спортивный костюм. Редкие волосы блестели от воды. По-видимому, генерал едва успел принять душ, устроенный старшиной комендантской роты из обыкновенной бочки и газовой горелки, как поступила новая вводная.

– Только что пришло сообщение о том, что со стороны Грузии совершил переход Иттихад Аль Хаяри. Количество следующих с ним боевиков неизвестно, так же как и национальный состав. Место перехода уточняется. Цель – диверсионная работа в глубине территории России. Установлено, что в наличии имеет почти миллион долларов.

Некоторое время все молчали, переваривая услышанное. Наконец Антон обвел взглядом стоящих полукругом офицеров и остановил его на Родимове.

– Информация откуда?

– Оттуда, – Федор Павлович показал пальцем в потолок.

Это означало, что сведения добыты агентурным путем, и далеко не на местном уровне, а как минимум одним из агентов первого управления. Да и сам характер информации подтверждал это. Если бы о подобном факте проинформировали осведомители из числа местного населения, не говоря уже о пограничных постах и радиоперехвате, то район перехода и численный состав банды был бы известен.

– Странно. – Дорофеев посмотрел на часы, затем на единственное оконце под самым потолком, за которым была уже непроглядная темень. – Сейчас еще опасно лазить в предгорье. С воздуха все как на ладони. Вот недельки через две, да.

– Араб поступил мудро, – возразил ему Антон. – Сегодня он проскочил перевал, где и летом-то укрыться негде, одни камни и скалы. Только там пока и пограничники не особо рвение проявляют, привыкнув к тому, что массированные переходы по весне начинаются. Теперь он отсидится где-нибудь в горном ауле или оставленном с осени схроне до первых листочков, и в путь. А наши вертушки начнут патрулировать перевалы, как раз когда он уже в предгорье выйдет.

– Что предлагаете? – Родимов испытующе посмотрел на Филиппова.

– Во-первых, ждать. – Антон скovyрнул носком ботинка с бетонного пола какую-то гайку. – Возможно, кто-то и отстучится. Во-вторых, надо горные аулы проверить вблизи с границей. Особенно те, у которых начинается лес, и надеяться. Возможно, они где-то наследят.

– Эти отморозки могут так наследить, – генерал осуждающе посмотрел на Филиппова, – что опять весь мир содрогнется.

– Это уже не наши проблемы, – Антон поправил переброшенный через плечо ремень автомата. – На такой случай у группировки и милиции есть соответствующие планы. Усилят посты, начнут патрулирование, увеличат количество блокпостов, запустят в предгорье пару разведгрупп...

– Я не спрашиваю о том, какие меры принимаются в таких случаях в частях постоянной дислокации и подразделениях других силовых ведомств, – неожиданно разозлился генерал. – Я жду ваших соображений по этому поводу. Конкретных и эффективных. Москва требует с утра включиться в работу.

Дрон присвистнул:

– Значит, там известно, зачем араб к нам пожаловал, – он сдвинул на затылок кепку и почесал лоб. – А почему они нам так мало сообщили? Может быть, мы что-то и придумали бы.

– Есть информация, что Хаяри движется на Дагестан. Часть людей пройдут дальше. Это пока все.

– Ну вот это уже что-то, – облегченно вздохнул Полинцев. – Теперь хоть примерное направление знаем.

После того как Родимов ушел, Антон достал карту и расстелил ее на железном стеллаже у стены. Свет от работавшего во дворе генератора был тусклый. На висевшую под потолком лампочку можно было спокойно смотреть, и он достал фонарь.

– Я бы на месте араба повел людей через этот перевал, – неожиданно подал голос Джабраилов и опустил руку на уже известный Антону аул.

– Почему так решил? – Антон с интересом посмотрел на Вахида.

– Весь подъем к линии границы находится на стороне Грузии и прикрыт от глаз горной грядой, тянущейся на двенадцать километров с востока на запад. Едва взобрались наверх, а спуск уже в Чечне. Два часа ходу до села. Еще пара километров – и лес.

– Мы со Злаком были в этом ауле, – с горечью в голосе вспомнил Антон.

Вновь перед глазами встал Азат Тамаев, наотрез отказавшийся общаться с разведчиками. Знает гад, что уже не девяносто пятый. Чуть что не так, сразу с жалобой к правозащитникам. Самое интересное, что сам писать не умеет и средств связи в селении нет, но различные миссии и иностранные журналисты в таких случаях появляются, словно из-под земли, в считанные часы.

– Народ в этом ауле очень плохо к нам относится, – напомнил Антон.

– А как ты хотел, командир? – подал голос сидевший на корточках у стены Иса. – Они там ни телевизора, ни радио не видят. Зато частые гости боевики, которые еще и приплачивают за постой. Там и пятьдесят лет назад никакой власти не было.

Вполуха слушая Батаева, Антон изучал карту. Проверить все расположенные вдоль границы аулы они не в состоянии. Кроме того, нет такой необходимости. Несколько селений располагались вблизи стационарных постов пограничников, с которых хорошо просматривалась прилегающая местность. В некоторых селениях находились опорные пункты милиции, подразделения полка имени Кадырова и батальона «Восток», сформированные из чеченцев. Скорее всего, Вахид был прав. Если не сидеть, а начать действовать, то только на этом участке. Вероятность перехода на других мала, да и до Дагестана далековато. Наконец он принял решение:

– Джин и Батаевы, завтра начнете работать в районе Меседой. К утру привести свой вид в соответствие с тем, как выглядят в это время боевики. Отработать легенду. На всякий случай вспомните все основные события, которые произошли в этих местах после Нового года. Мишень, Полян и Дрон, пройдете по кромке леса вдоль этого хребта. Задача – обследовать район на наличие следов возможного передвижения банды. Я с Волковым. – Он нагнулся над картой и некоторое время внимательно смотрел на нее, затем, приняв окончательное решение, выпрямился и с шумом вздохнул: – Устроим секрет в Сухом ключе. Он очень удобен для прохода в направлении предгорья. Цель всех групп, в случае обнаружения противника, сообщить в штаб группировки координаты и по возможности вести разведку его передвижения до подхода главных сил, после чего сориентировать армейцев на местности. Пока это все, что мы можем в этих условиях и такими силами сделать. Но это лучше, чем ничего.

Глава 3

После продолжительной дискуссии в конференц-зале Лещ покинул яхту, перебравшись на огромный катер, все это время болтавшийся неподалеку в ожидании хозяина. Несмотря на неприязнь, которую Хорин испытывал к этому человеку, он вместе с Татьяной вышел его проводить. К этому времени девушка успела передать результаты переговоров в Москву и даже картинку.

Рядом переминался у ограждения Томас Райт.

– Он правда миллиардер? – Татьяна легонько толкнула Якова в бок локтем и метнула на него исподлобья заговорщицкий взгляд.

– Здесь собирались только богатые люди, – уклончиво ответил Хорин, беря ее под руку и направляясь к американцу. – Только все они на вторых ролях.

– Как это? – не поняла Татьяна.

– Что-то вроде переговорщиков, – на секунду задумавшись, пояснил Хорин. – За каждым стоит один или несколько деляг с огромными состояниями.

Они подошли к американцу.

Татьяна знала, что этот шоколадного цвета кучерявый брюнет – сотрудник фонда Сороса. Она имела представление о роли этой организации в мировой политике, по сути, переложившей на себя обязанности ЦРУ по развалу государств и подрыву их экономики. Результатом работы таких структур, созданных в Америке и Европе после окончания холодной войны, стала «оранжевая» революция на Украине и «розовая» в Грузии, попирающие права русскоязычного населения в странах Балтии, финансирование террористических организаций по типу Хизб-ут-Тахрир в Узбекистане, массовые беспорядки в Андижане. На глазах всего мира в оккупированном американцами Афганистане в десятки раз возросло производство наркотиков. Одновременно, не без участия этих же организаций, ликвидировано присутствие российских пограничников в Средней Азии. Ну и совсем близкая и болезненная тема – это Чечня. И хотя Сорос сейчас немного отдалился от Кавказа ввиду уж очень явных признаков террористической направленности этого движения, однако тут же нашел новый плацдарм в Мордовии, Татарстане и Чувашии. Томас Райт накануне, за ужином, не стесняясь присутствия малоизвестной дамы в лице Нестеровой, открыто заявил, что США не видят Россию через двадцать пять лет единой страной. Она будет раздроблена на мелкие государства, по своему устройству напоминающие Колумбию, ставшую сырьевым придатком мирового Господина.

– Вы прекрасно выглядите, – растянул губы в искусственной, резиновой улыбке американец.

– Вы тоже, – буркнула Татьяна.

Она не собиралась играть, выдавая себя за светскую даму или, на худой конец, за робкую девушку, волею случая оказавшуюся после полуподвала во дворце со сказочным принцем. Татьяна была сама собой и вела себя так, как ей этого хотелось. Она прекрасно понимала, что Хорин опасается появления в своем окружении людей, выполняющих чьи-то задания. Грамотный политик и бизнесмен, он вряд ли был хорошим опером, чтобы иметь представления о том, как выглядит настоящий агент. Наверняка в его понимании – это люди, придерживающиеся строгих правил поведения, присущих обществу, в котором они должны работать, опасаясь любой фразой или действием выдать себя.

До сих пор положение Нестеровой было смутным и неясным. Тогда, в Израиле, Хорин заплатил преследовавшим ее парням выкуп и отвез в одну из своих резиденций. Там она отдохнула в его апартаментах, а поутру поразила охрану умением обращаться с оружием. На заднем дворе олигарха был тир, куда забрела девушка. Двое мордоворотов в это время упражнялись в стрельбе из пистолетов. Поблизости находился и Хорин. Татьяна попросила попробовать.

Один из охранников, с молчаливого согласия хозяина, со снисходительной улыбкой протянул ей «беретту». Она с ходу отвергла попытку инструктажа и разрядила обойму в грудную фигуру человека, уложив все пули в круг размером с доньшко кофейной чашки.

– Ты подослана ко мне ФСБ? – улыбаясь во весь рот, спросил тогда Хорин, разглядывая принесенную охранником мишень.

– В таком случае я должна была скрыть свое умение обращаться с оружием, – резонно заметила она. – Просто мой папа служил командиром десантно-штурмового батальона. А в институте я немного занималась стрельбой.

– Что ты еще умеешь? – спросил тогда Хорин.

– Драться, – не моргнув глазом, ответила она. – Все-таки мы дети начала девяностых...

– А зачем ты приехала в Израиль? – не унимался он.

– Хотела побывать в святых местах. – Ее лицо стало грустным. – Оформила гостевую визу через знакомую девушку, с которой когда-то учились, а она меня решила подставить... Если бы не ты, не знаю, что со мной было бы. Я только порог ее дома переступила, сразу неладное почувствовала. Двое парней с похотливыми мордами... Вовремя убежала. И хорошо, что через дорогу тебя увидела...

Почему-то Хорин проникся к Татьяне. Она чувствовала это с первых минут общения. Это не походило на любовь или дружбу. Скорее ее присутствием он хотел восполнить рядом с собою место реального товарища, не преследующего никаких целей и далекого от грязи политики. Что-то вроде доброго мягкого животного. Например, кошки или собаки.

– Не нравится мне Лещ, – провожая взглядом уходивший в сторону катер, проговорил Хорин.

– Он ведет себя как скотина, – заметил американец.

– Скот, – надув губки, буркнула Татьяна.

Хорин улыбнулся.

Томасу понравилось начало диалога, и он, наморщив лоб, выдал еще одно слово:

– Уголовник.

Все рассмеялись.

– Скоро будет замечательный островок, – неожиданно спохватился Хорин. – Я распорядился подготовить гидрокостюмы. Не желаете составить мне компанию под водой? Там прекрасное дно.

– С удовольствием, – обрадовался американец. – Я люблю дайвинг.

– А я не умею плавать с аквалангом, – расстроилась Татьяна.

– Не волнуйся, – Яков провел по ее голове ладонью. – Это поправимо.

– Слушай, Томас, – неожиданно Хорин нахмурился, – как вам удается влиять не только на наших олигархов, но и на министров, заставляя их саботировать приказы самого президента? Почему российские депутаты принимают в основном «ваши» законы?

– Это очень просто, – усмехнулся американец. – Люди, которые разрабатывают для вашей страны законы, получают хорошие деньги. Вам же известно, как был написан новый Таможенный кодекс? В России даже знают, сколько ушло на подкуп. Миллионы долларов легли в карманы занимавшихся этим вопросом специалистов. Взамен мы получили выгодные условия, и прибыли наших компаний, зависящих от русского сырья, возросли в десятки раз. На Дальнем Востоке разбирали и продавали на металлолом едва построенные заводы. А политики, – он, прищурившись, посмотрел в сторону горизонта, – почти все они имеют недвижимость в Америке и Европе. В зарубежных банках миллиарды русских долларов. Есть деньги в офшорах, а это почти то же самое, что и в США. Что будет с тем же главой фракции Государственной думы, если мы откажем ему во въездной визе в Америку? Тут не только пойдешь на предательство Родины, на мать родную руку поднимешь.

От этих слов Нестерова опешила.

На ночь отряд Аль Хаяри расположился для отдыха в ауле, предварительно выставив на дальних подступах посты и секреты. После вечернего намаза улеглись спать. Дома чеченцев, живущих в высокогорье, разительно отличаются от тех, что строят на равнине. Здесь минимум вещей и почти нет предметов роскоши, к которым можно отнести даже обыкновенный радиоприемник. В основном моджахеды устроились на глиняном полу, расстелив прихваченные с собой куски прорезиненной ткани и набрав в кошарах, расположенных на задних дворах, соломы. Кто-то приспособил старую бурку хозяев. Ночи на этой высоте холодные, и с вечера протопили печи, израсходовав недельные запасы хвороста. Однако под утро каменные постройки выстыли. Бандиты стали просыпаться. Зиму они провели в грузинских селах в относительном комфорте, и сейчас было тяжело заново привыкать к тяготам военной жизни, которые, если не считать длительных переходов, начинались с суровых условий в высокогорных аулах.

Аль Хаяри спал на ковре в комнате старика. Пол в этом доме был деревянным, и поэтому он не особо мерз. Однако тоже проснулся рано. Сказались переживания первого дня на чеченской земле.

Пройдя в комнату, которая служила кухней и гостиной одновременно, он нашарил на столе лампу и зажег фитиль. Желтый свет выхватил из темноты скрюченную у стены фигурку Махмада. Он перенес в дом почти все сено, которое нашел за домом, и, накрыв его брезентом, преспокойно спал.

Хаяри достал карту и, разгладив ее на столе ладонями, принялся внимательно изучать предстоящий маршрут. Мысленно он начинал движение уже от схрона, расположенного в пятнадцати километрах севернее этого аула. Едва рассветет, они направятся к нему под прикрытием тумана и проведут там не меньше недели, пока деревья не оденутся в листву. Почки в низинах уже набухли и лопались, оголяя нежно-зеленые язычки, так что ждать осталось совсем немного. Сейчас последние спокойные дни в этих районах. Скоро пограничники начнут облетать места возможных переходов и выставят дополнительные посты. Они тоже ждут, когда оживет природа, и не подозревают, что Хаяри рискнул идти уже сейчас.

До границы с Дагестаном надо навестить Шерди-Мохк, Гордали-Юрт и Эникали. Туда заранее были отправлены гонцы, которые передали доверенным людям деньги и поручения приобрести транспорт. Пока два грузовика, микроавтобус и потрепанный «УАЗ» стояли во дворах местных жителей. По последним данным, особо никто не интересовался появлением машин. Владельцы, чтобы не насторожить местных представителей власти, занимались на них кто частным извозом, кто подрабатывал на строительстве, подвозя стройматериалы. Естественно, когда в селе появятся моджахеды Хаяри, они передадут этот транспорт им. Причем сделано это будет таким образом, будто боевики отобрали машины силой, дабы не наводить подозрения на своих помощников. А пока в селениях готовятся тайники для гранатометов и оружия, которые, впрочем, не особо и нужны в этих районах. Самое опасное место на пути в Дагестан – административная граница. Там военные, менты и отряды ополчения. Но Хаяри знает, как обмануть их. Выдвинувшись в сторону этой республики и убедив врагов в своих намерениях прорваться на ее территорию, он в последний момент вернется назад. В это время братья по вере устроят там несколько крупных терактов. Власти решат, что он все же перешел границу, и отвлекутся от ее охраны, бросив все силы на поиски отряда. Вот тогда словно юркий уж он проскользнет через эту линию. Главное потом – разбиться на тройки и затеряться. Пока огромный маховик военной машины русских раскачается, они будут уже далеко. Он внимательно изучил опыт рейдов на Кизляр, Буйнакс и Карамахи. Сейчас силы милиции, ФСБ и военных распылены. Они мечутся от поврежденного взрывом трубопровода к обстрелянному зданию МВД или убитым у ворот собственного дома милиционерам. Оставленные с осени

люди держали правоохранительные органы Дагестана в напряжении, выдавая свои действия то за месть рыбной мафии, то за акции приверженцев ваххабизма.

Особо его беспокоила вторая часть команды, которая должна дойти до Пятигорска. В его окрестностях уже сняты дома в частном секторе, а уехавшие через Москву разведчики еще месяц назад приступили там к изучению обстановки и выбору объектов для диверсий.

Он достал из полевой сумки курвиметр и принялся замерять расстояние по проселку от Шерди-Мокх до границы с Дагестаном.

Неожиданно во дворе прохрипел пес. Послышалась возня. Вынув пистолет и слегка пригнувшись, он подошел к двери.

– Это Рустам, – послышался вкрадчивый голос. – Скоро четыре...

– Понял тебя, – облегченно вздохнул араб, убирая оружие. – Буди остальных. Пусть тщательно приберут за собой. Через час уходим.

Растолкав Махмада, он взял со скамейки свою полевую сумку и стал укладывать в нее карту. Покончив с ней, сдвинул лампу к стене. Вернулся в комнату. Забрал прямоугольный кусок брезента, на котором спал. Отряхнув его, свернул в тугой рулон и прикрепил специальными ремешками к нижней части уложенного на стол рюкзака. Оглядел комнату придирчивым взглядом. Вроде бы все. Пора на утренний намаз, и вперед.

Махмад уже стоял у дверей с кувшином...

Было сыро и холодно. Натыкаясь друг на друга, боевики вышли из деревни и скоро скрылись в предрассветных сумерках и тумане.

Тропа круто спускалась в низину. Шли медленно. То и дело спотыкались о валуны. Рискнув свернуть шею, опасались подсвечивать путь фонарями. Даже когда проходили вдоль кромки небольшого ущелья, по дну которого среди островков льда звенел ручей, никто не рискнул осветить дорогу. Вскоре стали появляться редкие кусты. Затем островки земли с пожухлой травой. Когда совсем рассвело, оказались в долине. Здесь пастбища чередовались с рощами низкорослых деревьев. Их искривленные стволы напоминали замерших в пляске человечков.

С опаской поглядывая вверх, двинули быстрее. Почти бегом. К счастью, в небе не появлялись вертолеты, а на вершинах расположенных справа и слева гор не играли бликами окуляры биноклей. Наконец шедший, как и накануне, в дозоре Махмад сообщил, что он уже в лесу. К концу дня, пробравшись сквозь заросли густого кустарника, росшего между огромными буками, боевики вышли к схрону.

Двое из тех, кто последними покинули его осенью, скрылись в хитроумно укрытом между двумя валунами люке, чтобы снять мины и обезвредить РПГ, наведенный прямо на вход из дальнего угла блиндажа. При помощи небольших блоков, прикрученных к стенам, тонкий стальной трос пересекал комнату отдыха по диагонали и заканчивался у спускового механизма «Мухи».

Через десять минут путь был свободен. В полном составе банда укрылась в подземном бункере, на постройку которого несколько лет назад было потрачено больше месяца. Каменистый грунт, который тогда выгребали из котлована, относили далеко вниз и ссыпали в ручей. Там на строительство заготавливали лес. Причем на месте импровизированных вырубок нельзя было найти даже небольшого пенька. Корень выкорчевывался, а яма закладывалась дерном. Деревья валили не все подряд, а с таким расчетом, чтобы не бросались в глаза просветы. Пленные русские солдаты, которые трудились здесь, были похоронены в общей яме в километре отсюда.

Миновав коридор, стены которого были укреплены стволами тонких деревьев, Хаяри обошел бревенчатый экран, построенный на случай разрыва гранаты и защищающий от осколков находящуюся за ним комнату, и, оперев в бока руки, по-хозяйски огляделся. Побывавшие первыми, саперы уже зажгли керосиновые лампы, висевшие под потолком. Слева, вдоль стены,

располагались два ряда нар. Справа – самодельные пирамиды для оружия. Посреди длинный, грубо сколоченный стол и две скамейки. В противоположной стене еще один вход. Он закрыт куском брезента. За ним следующий коридор, по обе стороны от которого оборудованы небольшие хозяйственные помещения. Продовольственный склад, кухня, работающая от газа, баллоны с которым упрятаны наверху, душевая, туалет и комната для небольшого бензинового генератора. Его запускали в основном для того, чтобы закачать с ручья по специальному трубопроводу воду в емкость от водовозки, также врытой в землю. Шланг с выхлопной трубы этой мини-электростанции был выведен в другую яму, заваленную сверху вязанками хвороста и дерна. Был в схроне и небольшой телевизор с видеоманитофоном, а Хаяри брал с собой видеокамеру и ноутбук. Поэтому бандиты были в курсе основных событий в мире, который для них пока ограничивался Ичкерией.

– Значит, слушайте меня внимательно, – выдержав паузу, заговорил Хаяри. – Сейчас нужно навести здесь порядок. Вымести мусор и протереть стол. Проверить генератор и закачать воду. Махмад, назначь того, кто будет готовить еду. Оружие сложить в пирамиду. Количество постов останется прежним, как в прошлом году. Внутри блиндажа, у основного и запасного выхода. Наверх никто без моего разрешения не высывается. Там надо установить с десяток мин. Действуйте.

Закончив ставить задачу, он устало опустился на скамейку.

Вахид и Батаевы прекращали бриться еще в Москве, как только узнавали о командировке на Кавказ. Сейчас трое чеченцев группы своим видом могли навести ужас на кого угодно. Из-под густой и черной бороды Вахида были видны лишь глаза и немного верхняя часть щек. Не отставал в этом плане от него и Шамиль. Один Иса был исключением. Редкая поросль делала его похожим на дядька.

Остаток ночи после получения задачи на проверку аула чеченцы приводили себя в надлежащий бандитский вид. При выезде в Чечню, кроме всего прочего, вся троица брала с собой комплект специального снаряжения. Утром Вахид предстал перед Антоном в кожаной, похожей на тубетейку, шапочке и безрукавке, надетой на камуфлированную форму. Вместо привычного разгрузочного жилета, сшитого по индивидуальной подгонке в специальном ателье ГРУ, – самодельный, из плотного черного материала. На животе инкрустированный серебром кинжал. Лишенный в процессе длительной эксплуатации воронености старенький «АК-47». Голову Исы украшала зеленая повязка с арабской вязью. Шамиль был в армейской кепке и солнцезащитных очках. На ногах обычные резиновые сапоги.

– Ничего себе войско! – не удержался вышедший на ступеньки комендатуры Родимов.

Антон выдержал паузу, давая возможность генералу высказать свое мнение или сделать какие-то уточнения. Однако Федор Павлович, словно что-то вспомнив, скрылся в дверях. Таков обычай. Время старшего начальника было вчера. Он ввел в тактическую обстановку, поставил задачи, отдал боевой приказ и довел способы взаимодействия с мотострелками, в зоне ответственности которых предстояло действовать группе. По сути, о появлении в районе спецназа ГРУ знал лишь начальник разведки группировки и командир дивизии Серов. Старый знакомый Антона был уважаем среди разведчиков-диверсантов, и они, подражая подчиненным комдива, называли его не иначе как Суровый.

– Сейчас садитесь в «уазик», и Дрон отвозит вас до Грозного, – окинув придирчивым взглядом подчиненных, заговорил Антон. – Оттуда вертушкой к объекту. Высадят группу в десяти километрах от аула. Во-первых, вид соответствующий приобретете за время перехода, во-вторых, войдете в роль, ну а заодно проверите это направление.

– А если пограничники? – насторожился Иса.

– Идти будете по грузинской стороне. Там никого никогда нет. Аул перетрясти. Как представится, знаете. Если что, связь по радио с позывным «Саддуло». За него будет работать наш человек. Он хорошо владеет чеченским.

«Уазик» подогнали вплотную к дверям вертолета. Мало ли. На аэродроме с некоторых пор много наемных из числа местного населения. Внешний вид офицеров-чеченцев уж слишком не вписывался в общий фон российской военной базы.

Сразу взлетели. Не прошло и получаса, как сидевший в проходе между кабиной и салонном штурман обернулся к Джину и показал большим пальцем в пол вертолета. Подлетали. Вертушку сильно болтало и трясло. Стоял невообразимый шум. Джину казалось, что она вот-вот развалится, и ему не терпелось поскорее покинуть чрево этой машины. Развернувшись на сиденье, он выглянул в иллюминатор. Справа, в полусотне метров, шли два вертолета огневой поддержки. Периодически от них отделялись тепловые ловушки, ослепительными звездами сваливающиеся вниз. Под ними были горы. Снижались.

Выпрыгнув на небольшой каменистый пятачок, над которым на мгновение зависла вертушка, вся троица что было сил устремила к вершине хребта, расположенного в ста с лишним метрах от места высадки. Шум двигателей еще не растворился в прозрачном и чистом воздухе, а чеченцы уже перевалили через гряду серых камней и осмотрелись. День в таких местах наступает поздно. Солнце еще долго прячется за гигантскими исполинами, представляющими собой беспорядочное нагромождение скал, гигантских камней и россыпи гальки. Кое-где, чуть выше того места, где они оказались, поблескивал ледок.

– Ну что, – Вахид строгим взглядом оглядел свое небольшое войско. – Иса, пойдешь вперед. Будь всегда у нас на виду. Станцией не пользуйся.

С этого момента говорили только на родном языке.

Двинули в путь. Через полчаса ходьбы оказались перед вертикальной скалой. Она не была высокой, но без специального снаряжения представляла серьезное препятствие.

– Почему на карте здесь просто крутой склон? – недоумевал Вахид.

– Я понял, – Иса показал взглядом на подножье, вдоль которого тянулись наносы песка. – Здесь селевой поток прошел. Вот рельеф и поменялся.

Стали карабкаться вверх. Подсаживая друг друга и подстраховывая веревкой, потратили на подъем почти час. Оказавшись наверху, тут же увидели вдали небольшой караван. Семь навьюченных лошадей и пять пеших вооруженных людей не спеша двигались от границы в глубь Чечни.

Смахнув с лица капли пота, Джин переглянулся с Шамилем.

– Может, это и есть тот самый Хаяри? – тяжело дыша, высказал предположение Иса.

– Непохоже, – немного подумав, покачал головой Вахид. – Людей мало, а арабы для своей безопасности минимум пару десятков охраны берут. Да и шлепают нагло. Здесь же все как на ладони.

– Учли они заблуждение пограничников, что шуршать в этих местах надо, когда «зеленка» начнется.

Немного подумав, начали преследование. Тем более направление движения каравана совпадало с маршрутом Джабраилова. Вскоре бандиты заметили троих странных людей,двигающихся сзади. Двое остались, укрывшись за огромными валунами, остальные двинули быстрее, поторапливая окриками и ударами лошадей.

Вахид и Батаевы шли, не особо таясь, и прекрасно понимали, что их давно обнаружили. Положение было незавидным. Почти невидимые на фоне камней бандиты могли, подпустив поближе, спокойно перестрелять всю тройку.

Иса двигался метрах в пятидесяти впереди. Когда до засады оставалось несколько десятков метров, ему приказали остановиться. Говорили на чеченском.

Он выполнил требование, спокойно ожидая дальнейшей команды.

– Оставь оружие и подойди ближе! – раздалось после небольшой паузы.

– Я не буду этого делать, – с невозмутимым видом ответил Иса. – Если хочешь говорить со мной, то говори. Боишься, убей. Только не заставляй меня стоять здесь. Если появится вертолет, меня сразу увидят.

Посоветовавшись между собой, один из чеченцев вышел навстречу. Второй, наведя на Ису автомат, замер на небольшом карнизе.

– Кто вы и откуда держите путь? – обросший, с широкими скулами и орлиным носом мужчина обвел Ису с головы до ног настороженным взглядом. Его глаза были красными от бессонницы, а губы потрескались. Из швов армейских ботинок торчали грязные обмотки. Вместо шнурков телефонный провод.

– Меня зовут Алихан. Я вижу, вы давно в пути, – с сочувствием произнес Иса и, обернувшись в сторону Вахида и Шамиля, настороженно наблюдающих за диалогом издали, вздохнул. – Нас трое. Зиму мы провели у соседей. Сейчас идем домой, чтобы продолжить войну с неверными.

– Меня можешь называть Лом. Это прозвище, – пояснил боевик и тут же, прищурившись, спросил: – Почему вас так мало?

– Наш отряд намного больше, но мы возвращаемся мелкими группами. Кроме того, часть зимовали на родине, у себя в селах, – Иса бросил взгляд туда, где укрылся напарник Лома, и слегка передвинулся левее, чтобы прикрыться телом нового знакомого. Мало ли что на уме у второго бандита. – Тебе пора рассказать, кто вы сами такие и куда направляетесь.

– Я не могу посвятить тебя в эту тайну, – вздохнул чеченец. – Но поверь, мы делаем одно дело.

– Куда хотя бы вы идете? – осторожно спросил Иса.

– Нам не по пути, – уверенно покачал головой Лом. – Прощай, брат. Нам пора. – С этими словами он начал пятиться к скале.

– И что ты думаешь по этому поводу? – пересказав диалог со странным чеченцем, спросил Иса Вахида.

– Возможно, это люди Аль Хаяри, – ошаршил Джин.

– Почему? – Лицо Шамана вытянулось от удивления. Он посмотрел вслед удаляющимся и вновь уставился на Вахида.

– Араб очень недоверчив, и его моджахеды никогда без особой необходимости не вступают в контакт с представителями других банд. Он идет для решения определенных задач с тем количеством боевиков, которые ему нужны. Все встречающиеся на пути люди ему помеха. Возможно, этим и объясняется ответ этого парня.

– Может, все-таки среди них был и сам Хаяри? – осторожно спросил Шамиль.

– Нет, – Вахид категорически покачал головой. – Это либо обоз с продовольствием и оружием, либо что-то еще. Но то, что он когда-то соединится с отрядом араба, я уверен.

– А может, замочим? – неожиданно предложил Иса. – Заодно проверим, чем навьючены лошади.

Джин посмотрел на своего подчиненного из-под густых бровей, как на несмышленного ребенка, и усмехнулся:

– Живодер же ты, нерусский.

Вопреки ожиданиям, вместо возвращения в Израиль Хорин в компании Нестеровой вылетел в Америку. Причем все произошло так неожиданно и стремительно, что Татьяна окончательно поняла это только на борту «Боинга-747». Еще каких-то два часа назад они сошли с борта яхты на берег в Тарагоне, где пересели в роскошный лимузин. Едва покинули пирс, как следом пристроился джип с охраной. Около часа неслись по идеальному шоссе, с росшими

вдоль обочин пальмами. Справа, за полосой нескончаемых песчаных пляжей, синело море. И вот на тебе. Международный аэропорт. Таможенный терминал...

– Разве нельзя было предупредить меня об этом? – не на шутку разозлившись, проворчала Татьяна, усаживаясь в одно из четырех кресел, расположенных за столиком салона бизнес-класса.

– Если тебе не нравится, можешь выйти, – с какой-то странной улыбкой произнес Яков, устроившись напротив.

– Как ты успел оформить визы и паспорта? – проглотив обиду, спросила она.

– У меня много помощников, – он самодовольно улыбнулся. – И вообще я большой и ценный гость для Америки.

Татьяна еще ни разу не летала на «Боинге», а тем более через океан. Она волновалась. Но не только это беспокоило старшего лейтенанта военной разведки. Все оборудование, предназначенное для связи, а при случае и для ликвидации Хорина, было оставлено в Испании. Этот самодовольный хам даже не соизволил поинтересоваться, есть ли необходимость взять что-либо из ее вещей. Как быть? Она чувствовала себя человеком, оказавшимся на необитаемом острове без элементарных спичек. Охватившая паника вызвала приступ легкого страха и растерянности. Все это усугублялось резкими переменами в обстановке. Она вспомнила занятия с психологами и лекции инструкторов, которые много говорили о постоянном контроле над эмоциями, спокойствии, хладнокровии в любой ситуации. Тогда они казались людьми с железными нервами. Теперь она ни за что не поверит, будто никто из них никогда не терялся и не находился в состоянии, близком к паническому. Они, кстати, и не утверждали этого. Просто эти люди с честью пережили выпавшие на их долю трудности и по прошествии времени делились опытом с молодым пополнением. Может, и она когда-то будет рассказывать о подобных накладках с некой долей иронии. И все-таки многочисленные комиссии из врачей, военных, разного рода экспертов знали толк в людях, отбирая слушателей специальных курсов. Внешне Татьяна никак не выдала своего беспокойства, а если и проскальзывало удивление во взгляде и раздражение в голосе, то именно столько, сколько нужно.

Когда самолет набрал высоту и, несколько раз перевалившись с крыла на крыло, беря курс на Вашингтон, застыл в воздухе, мысли перестали путаться и наскакивать одна на другую, мешая сосредоточиться. Татьяна успокоилась и пришла к неожиданному выводу – Хорин специально оставил ее багаж, заподозрив в шпионаже. Есть много способов определить род занятий человека. Взять хотя бы разговор в конференц-зале. Что стоило кому-то из участников совещания запустить элементарную дезинформацию и посмотреть, отреагируют на нее, к примеру, в России или нет. Она ведь отправила много информации, и до сих пор не знает, как к ней отнеслись в Москве. У Хорина такая возможность есть. Дальше – больше. Как правило, такой человек, как Хорин, имеет в своих апартаментах фокусы, по которым можно легко определить, кто их посещал в отсутствие хозяина, и наверняка от его внимания не ускользнул факт, что Татьяна долгое время находилась в помещении с оборудованием для прослушивания и скрытой съемки. Она предполагала такое развитие событий, но пошла на риск. Другого выхода не было. В силу сложившихся обстоятельств она не смогла заранее подготовиться и обезопасить свою деятельность, а «Центру» просто необходимо было получить содержание разговора на встрече. Заранее было известно, что Хорин затевает какую-то пакость в отношении президента, причем возможной прелюдией к этому будет попытка дестабилизации обстановки в стране, поэтому все службы играли на грани фола. Подталкивали события, произошедшие на Украине и в Грузии. ГРУ располагало информацией о готовящихся актах гражданского неповиновения в Киргизии и Ташкенте. Поэтому, узнав, что встреча Хорина с представителями противников президента состоится на яхте и в ближайшие часы, Татьяна лишь успела подготовить аппаратуру для передачи информации в Москву. Раз олигарх раскусил ее, то почему

сразу об этом не сказал или не убил? Просто всегда легче иметь под рукой ручного шпиона, чем тратить время на розыск и обнаружение нового.

Бортпроводница предложила напитки. Татьяна заказала виски со льдом и одеяло. Нужно было немного отдохнуть, а заодно и подумать.

Хорин тем временем поставил на стол ноутбук и стал что-то печатать. Выпив, Нестерова откинула спинку кресла и, укрывшись пледом, закрыла глаза. Некоторое время она ни о чем не думала. Потом проплыли картинки студенческой жизни. Короткая любовь на третьем курсе. Постепенно мысли вновь вернулись к перелету. Хорин до сих пор не сказал, с какой целью они тащатся через океан. Как сообщить об этом в «Центр», который, по всей видимости, готовит переброску группы в Израиль? Именно туда собирался вернуться олигарх после встречи у берегов Испании. Причем то, что они с Хориным уже готовы убыть в Тель-Авив, она сообщила лично. Что теперь подумают в управлении? Не исключено, что заподозрят в двойной игре или даже предательстве. Это вполне возможно. В разведке распространено мнение, что очень опасно отправлять на Запад красивых и влюбчивых женщин. Сразу появится версия, что у нее возникли к Хорину симпатии и в одну из романтических ночей она призналась ему в низменности своих намерений.

Перебежчиков сейчас не отстреливают, поскольку их развелось столько, что в той же Америке или Англии долго не стихал бы треск очередей, появившись подобный приказ. Сейчас просто стало модно быть предателями. Однако предатель предателю рознь, и они как-то потихоньку исчезают. Один умирает от сердечного приступа, другой тонет в океане, занимаясь серфингом, а некоторых просто кусает экзотическое насекомое. Такие случаи не афишируются, но Татьяна о них информирована. Бежать и предавать она никого не собиралась, однако у нее возникло вполне понятное опасение за свою жизнь, и она очень хотела, чтобы с ее ситуацией серьезные дяди разобрались, а уж потом принимали решение. Опять же в механизме, винтиком которого она являлась, считалось опасным тратить драгоценное время на лишние разбирательства и зачастую при возникновении даже небольшой угрозы срыва операции ее виновник выводился из игры.

– Как ты думаешь, – неожиданно заговорил Яков, оторвавшись от жидкокристаллического экрана монитора и подняв на нее глаза, – почему я тебя не сбросил в море сразу после того, как ты «срисовала» встречу?

Нестерову обдало жаром.

Размышляя над ответом, она потянулась. Зевая, прикрыла аккуратный ротик маленьким кулачком. Томно закатив глаза, хрустнула суставами.

Все это время он, не отрываясь, наблюдал за ее действиями.

Она в свою очередь пыталась за ними скрыть свое состояние.

– О чем ты, дорогой? – Татьяна наконец уселась прямо и, откинув плед, поправила прическу.

Он развернул в ее сторону ноутбук:

– Полюбуйся, только что получил!

Татьяна наклонилась к столу и пробежала взглядом по сообщению:

«Проверены личные вещи госпожи Нестеровой. В ходе осмотра было установлено наличие спутникового передатчика импульсного типа. Среди косметических принадлежностей обнаружен цилиндрической формы предмет из пластика, напоминающий помаду. При попытке разобрать было установлено, что это миниатюрный баллон с аэрозолем для удаления отпечатков пальцев...»

– И что? – она подняла на него полный безразличия взгляд.

– На кого работаешь?

– Израильская разведка, – не моргнув глазом, ответила Татьяна и, всем своим видом давая понять, что разговор ей наскучил, отвернулась к иллюминатору.

Однако ответ пассивности привел Хорина в замешательство. Некоторое время он недоверчиво смотрел на нее, потом, метнув настороженный взгляд в сторону прохода, наклонился через столик:

– Ты шутишь?

– Нисколько, – она едва заметно улыбнулась. – Обеспечиваю твою безопасность.

Молниеносно пришедшая на ум версия понравилась ей, и она успокоилась, сама чуть не поверив в этот абсурд. Как учили.

– А может, все-таки на русских? – не унимался Хорин. – Например, ФСБ?

– Они никогда не сунутся к своим олигархам на нашей территории, – на полном серьезе заметила она. – Только идиот может делать такие глупости под носом «Моссада».

– Хорошо, – он сделал вид, что поверил. – А кому ты отправляла сообщения и какого содержания?

– Доложила координаты твоего местонахождения, потом перечислила, с кем проводишь время.

– И все? – недоверчиво протянул Яков Абрамович.

– Остальное наше ведомство не волнует.

– Зачем списывала на флешку ход встречи?

– Просто из любопытства, – она пожала плечами. – Хотела потом просмотреть.

– Хорошо. – Он закрыл крышку ноутбука и убрал его со стола. – Пока мы летим, я буду тебе верить. Но только окажемся на земле, я подключу все связи в израильских службах и узнаю, кто ты на самом деле.

Глава 4

Мишень выглянул из-за частокола сухой травы, похожей на невысокий кустарник, и, оглядев спуск, подал сигнал рукой идущему позади него Полынцеву, что все чисто. Тот, в свою очередь, лишь обернулся на притаившегося позади Дрона и кивком головы дал понять, чтобы тот срывался с позиции и следовал дальше.

Трое разведчиков перебежали небольшую полянку и заспешили вниз, мягко ступая по покрытой прошлогодней листвой земле.

Пробежав до самого конца склона, опустились в траву, усевшись спинами друг к другу и наблюдая каждый в своем секторе.

Дрон поправил микрофон переговорного:

– До Сухого ключа совсем ничего, а у нас чисто.

– Разве это плохо? – почти прошептал Мишенев.

Несмотря на то что находились друг от друга на расстоянии всего нескольких шагов, пользовались переговорными устройствами. Это позволяло говорить шепотом.

– Мишень. – Полынцев, сморщившись, приподнял одной рукой косынку, закрывающую голову, другой быстро снял микрофон с уха и, почесав под ним, установил обратно. – Может, свяжешься по «большой» с Филиным?

– Их скоро по «малой» услышим, – усмехнулся Дрон.

«Малой» и «большой» диверсанты называли связь. Переговорные устройства с дальностью до полутора километров при идеальном раскладе и станции УКВ-диапазона до десяти считались «малой» связью. Все, что мощнее, включая спутниковые телефоны, – большая.

Еще два дня назад Антон и Волков высадились в десяти километрах от длинного, образованного двумя хребтами распадка, названного в народе Сухим ключом. Вдоль его склонов, которые тянулись почти до самой равнины, проходило несколько троп. Они частенько использовались бандитами для сообщения с горной частью Чечни. Здесь ходили связные, доставлялись оружие и боеприпасы. Это направление было также удобно и для прохода банды Хаяри. Сейчас в этих краях еще не так часто можно встретить военных и поисковые группы разведчиков группировки. На зиму был снят даже пост на выходе из него. Несколько вагончиков, укрытых за бетонными плитами, уже на следующий день кто-то спалил. Пройдя по ключу навстречу группе Мишенева, они должны были устроиться у Козьих ворот. Это место было абсолютно лишено всякой растительности, кроме мелких островков кустарника, а обойти его трудно. Здесь Антон собирался провести пару дней в секрете, пока Мишень осмотрит участок возможного перехода.

Они работали в районах, где вероятность появления Хаяри была равна одному проценту. Больше шансов выйти на его след в ауле, куда сейчас направлялись офицеры-чеченцы. Но Антон принял решение раздробить группу и увеличить площадь поиска. Хаяри имел нестандартное мышление и мог сунуться в любом месте.

Двинули дальше, прислушиваясь к звукам просыпающегося после зимней спячки леса и внимательно глядя по сторонам. Чем ниже спускались по склону, тем плотнее становился туман. Здесь было прохладно. До темноты оставалось несколько часов, и Мишень планировал к этому времени выйти к Антону. Будет поставлена точка в вопросе появления здесь Хаяри. Банда в количестве больше двух десятков человек обязательно бы где-то наследила.

Он почти успокоился, когда его насторожило то, что перестал доноситься звук крадущихся шагов идущего впереди Дрона. Почти одновременно, боковым зрением, он заметил, как капитан присел, приподняв над собой руку. Открытая ладонь – «внимание». Три выпрямленных пальца – трое. Затем направление. Максим проследил взглядом, куда показал Дрон, и увидел сидевших у поваленного дерева двоих бородачей. Рядом лежало оружие и снятые рюкзаки.

Из-за грязи не видно было цвета камуфлированных курток и штанов. Третий стоял чуть в стороне и смотрел сверху вниз себе под ноги. Не оборачиваясь, Мишень дважды стукнул ногой по микрофону и продублировал рукой сигналы Дрона Полинцеву, который был немного сзади.

Одновременно Максим догадался, чем занимается стоящий в стороне чеченец. Он о чем-то говорил с лежащим на земле и не замеченным сразу еще одним человеком. Со связанными за спиной руками, исхудавший и грязный мужчина был одет в какое-то тряпье. Похоже, пленник. С испугом глядя на бандита и слушая его наставления, бедняга то и дело кивал. Судя по русому цвету волос и рыжей бороде – русский.

Мишенев некоторое время размышлял, как поступить. Во-первых, боевики в таком количестве и на таком расстоянии от населенных пунктов могли выполнять функции разведдозора. Значит, где-то рядом возможны главные силы. Однако пленный немного смазывал привычную картину. Зачем он нужен в передовой группе? А если боевики опасаются, что, сняв на зиму посты, русские заминировали все тропы, ведущие в равнинную часть, тогда бедолаге отводится роль минного трала. Он будет идти впереди.

Решив осмотреться и выяснить цель этих людей, Мишень поставил офицерам задачу сосредоточиться и наблюдать. Все должно проясниться, когда боевики снова начнут движение. Основные силы, если они есть, появятся здесь через десять-пятнадцать минут после их ухода. Однако время шло, а чеченцы не торопились никуда идти. Один приспустил штаны и стал осторожно снимать с голени грязную, с бурыми пятнами крови повязку. Второй, расстелив на земле тряпицу, разломал лепешку, порезал кусок мяса.

«А если это кадыровцы? – неожиданно мелькнула мысль. – Взяли где-то поблизости „духа“ и сейчас ведут его в село?»

Он про себя чертыхнулся.

Время шло, а обстановка не менялась. Не было заметно, что кто-то из чеченцев пользовался радиостанцией.

– Полинь, – едва слышно заговорил Мишень. – Прикрываешь. Дрон, работаем. Вперед!

Место, где находились с самого начала разведчики, было выгодным для начала выдвижения. Боевики расположились к нему спиной. Причем достигающий пояса кустарник подступал почти вплотную к их небольшому лагерю. Стоило прижаться к земле – и спецназовцев уже не видно.

Мишень в паре с Дроном осторожно сняли громоздкие пятнистые рюкзаки, опустили их на землю и двинули в сторону вооруженных людей.

– Дрон, – спохватился Мишень, когда они уже прошли треть расстояния, – сначала их базар послушай. Вдруг свои.

– Знаю, – недовольно пробурчал капитан, и в наушнике вновь послышалось сопение и вздохи. Он уже подобрался на расстояние броска гранаты и теперь медленно полз, сливаясь с землей. Мишень видел лишь часть его спины и каблуки ботинок. Казалось, что тот просто лежит на месте.

В это время Полинцев, обойдя странных путников с фланга, занял позицию, с которой они были как на ладони, и, направив в их сторону винторез, краем глаза наблюдал за перемещением своих товарищей. Это была самая нудная и рутинная работа. Иногда по сантиметрам, избегая любого шороха и стараясь не смотреть на врага, офицеры сокращали расстояние, выдвигаясь на выгодные для атаки рубежи. В любой момент кто-то из бандитов может развернуться в сторону готовящейся к броску группы либо встать и пойти помочиться в кусты, где в это время притаился разведчик.

Наконец Дрон и Мишень приблизились практически вплотную к бандитам. Те, в свою очередь, были заняты своим делом. Один помогал забинтовать ногу своему товарищу чистым бинтом. Третий, изредка посматривая по сторонам, не спеша ел, сидя на корточках. Пленник,

перевернувшись на бок, неподвижно лежал. Было видно, что он измотан длинным переходом. «Зачем и куда его ведут?» – размышлял Мишенев, вслушиваясь в обрывки фраз.

Говорили на чеченском. Это создавало определенные трудности. Офицеры владели этим языком, мягко говоря, слабо. Никто не думал, создавая во времена холодной войны спецназ ГРУ, что когда-то придется использовать его на своей территории. Английский, немецкий – пожалуйста. А вот остальные приходилось учить на ходу. Таджикский, азербайджанский, полгода назад грузинский. Но те поверхностно: «Как пройти в город?» или «Куда ведет эта дорога?». Чеченский – десятый год, и все время на практике. Однако большую часть разговора понимали все.

– Долго еще? – донесся недовольный голос бородача, сидевшего у импровизированного стола. Разделив на куски заранее сваренное мясо, он вытер пальцы о кожаную безрукавку и с нетерпением посмотрел в сторону своих товарищей.

– Здесь гной, – брезгливо морщась, ответил щуплый чеченец, помогавший раненому. – Боюсь, будет гангрена.

– Кость не задета, сам идет, какая такая гангрена?! – усмехнулся бородач.

Дальше Мишень не разобрал предложения. Но, по-видимому, чеченец сказал, что если Бейбулат не будет есть, тогда точно умрет.

«Значит, раненого зовут Бейбулат», – зачем-то отметил про себя Мишень.

В принципе все может пригодиться. Есть такое понятие, как эффект неожиданности. Встать сейчас во весь рост, предварительно оставив на земле разгрузку и автомат, и, улыбаясь во весь рот, с широко распростертыми объятиями крикнуть:

– Привет, Бейбулат! Не ожидал?

Пока кореша чеченца приходят в себя, ликвидировать расстояние в несколько шагов, отделяющее его от бандитов. Поддеть носком ботинка лежащий рядом с раненым автомат, отбросив в сторону, выхватить из-за спины заранее приготовленный нож и метнуть в обжору, а ударом ноги по шейным позвонкам начавшему в этот момент вставать, одновременно обращаясь к чеченцу, сидевшему перед раненым, поставить на мечтах точку.

Но это риск. Игра на грани фола. Иногда спецназовцы устраивают подобные фокусы, щекоча себе нервы. Но они не всегда приветствуются Антоном. Он говорит, что это клиническая картина болезни определенной группы маньяков.

– Эй, чушек, – неожиданно перешел на русский раненый боевик. – А может, это ты в меня попал?

– Не знаю, – буркнул пленник.

– Жалеешь, что не убил?

– Наверное, да, – вздохнул пленник и, немного поерзав, сел. – Так куда вы меня ведете?

– Зачем тебе знать? – усмехнулся второй бандит.

Теперь разведчикам было ясно, что перед ними боевики. Ждать было больше нечего. Мишень осторожно щелкнул ногтем по микрофону переговорного: – «Внимание!» – затем еще два раза и потянулся к рукоятке АПС. Работать решили с минимальным шумом.

Раздался хлопок винтореза Полицева. Согнутые в коленях ноги боевика, сидевшего на корточках перед раненым бандитом, вздрогнули. Удивленно охнув, он повалился на бок. Мишень выстрелил из пистолета в руку раненого, которая лежала на цевье автомата. Дрон не церемонился. Четыре прозвучавших, как очередь, хлопка, похожих на удары маленького молоточка по керамической наковальне, – и занятый трапезой бородач с воем покотился по земле, обезумев от боли. Обе щиколотки и локтевые сгибы были раздроблены. С такого расстояния из старого и надежного «АПС» разведчики могли бить «мух».

– Кто такой? – наблюдая за тем, как пленник, удивленно хлопая глазами и крутя грязной головой, растирает запястья покрытых коростой рук, спросил Мишень.

– Прапорщик Веселов, – он всхлипнул, подавившись собственной слюной. – Два дня назад на засаду напоролись у Курчалоя...

– Слышал. – Мишень окинул взглядом окрестности.

Дрон наблюдал за подступами с юга, одновременно держа в поле зрения раненых и связанных по рукам и ногам боевиков. Полынь занял позицию выше и севернее. Надо было побеседовать с пленными, а это самый удобный для нападения момент. Не зная, кого мог привлечь шум скоротечного боя, решили подстраховаться.

– Скажи мне, Веселов, – Мишенев внимательно посмотрел на прапорщика. – Сколько их всего, куда тебя вели и о чем говорили?

– Это все, – с нескрываемой ненавистью прапорщик посмотрел в сторону корчившихся на земле бандитов. – В нападении участвовали двенадцать. Половину из них наше сопровождение положило, ну а потом...

Он осекся.

– Что?

– Раненых добили, меня под руки и в лес. Там на две группы разделились по три человека. Вчера должны были встретиться... У какого-то ключа... Но те не вышли. Наверное, их наши поймали...

– Хорошо, – Мишенев вздохнул. – Оружие я тебе пока дать по понятным причинам не могу. Но обязанности у тебя появились. – Он привстал и показал в сторону группы деревьев на взгорке: – Дуй туда. Вот тебе радиостанция. Наблюдаешь вдоль склона и вверх. В случае чего нажмешь эту кнопку три раза. Будет означать «тревога». Понял?

– Знаю, – лицо прапорщика стало озабоченным. – Это «тон-вызов». А насчет оружия...

– Ты можешь неправильно и не вовремя его использовать, – успокоил Мишень, дав понять, что доверяет пленнику. – Просто мы работаем другими методами, а все остальные нам редко подходят.

После всего он взялся за пленников. Не церемонясь, наступил ногами на простреленные лодыжки бородача:

– Фамилия, имя!

– У-у, шайтан, – скрипя зубами и вращая выкатившимися из орбит красными глазами, прохрипел чеченец. – Ничего не скажу.

– Понял, – на глазах изумленных пленников Мишень вновь дважды выстрелил. Две аккуратные дырочки появились уже на коленях бородача. Побелев, тот запрокинул голову. Лоб покрылся испариной, а нижняя губа мелко затряслась.

– Ты пока думай, – он развернулся к следующему.

Им оказался Бейбулат.

– Тот же вопрос, – крутя в руке оружие, вздохнул Максим.

– Кишиев Бейбулат, – хлопая слипшимися от слез ресницами, с готовностью ответил тот.

– Больно, аж слезы текут, – с деланным сочувствием прокомментировал Максим. – Куда направлялись?

– В Катырский проход.

– Зачем?

– Там база, – выдержав паузу, едва слышно ответил он.

– Кто командир отряда?

– Шерипов Муса, – он вздохнул, осторожно проведя по забинтованной ноге связанными руками, и поморщился. – Его тоже убили. Еще там, в засаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.